

Гюльшан Селова

**АЗЕРБАЙДЖАН ВО ВЗАИМОТНОШЕНИЯХ
СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ И
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Гюльшан Сеидова

**АЗЕРБАЙДЖАН
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ И
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
В XVII ВЕКЕ**

(по русским источникам)

Баку – Nurlan – 2007

Рекомендовано к печати Ученым Советом Института
Археологии и Этнографии НАН Азербайджана

Научные редакторы:

Эфендиев О.А.
член-корр. НАН Азербайджана,
д.и.н., профессор

Мамедова Г.Н.
кандидат исторических наук

Рецензенты:

Ш.Ф.Фарзалиев
д.и.н., профессор

Г.Т.Мустафаде
д.и.н., профессор

Сеидова Гюльшан Мириш гызы. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку, Nurlan, 2004, 172 с.

В книге на основе многочисленных архивных данных, впервые вводимых в научный оборот, и обширной литературы раскрываются место Азербайджана в системе Сефевидской империи и его определяющая роль в сефевидско-русских политических и торговых взаимоотношениях в XVII веке.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

С $\frac{0504000-701}{N-098-2007}$ С грифом

© Сеидова Г.М., 2007

*Посвящаю доброй памяти
любимой матери Сунии ханум*

ВВЕДЕНИЕ

Азербайджан, вступивший на путь независимости, имеет свою полную перипетиями древнюю историю и культуру, на всестороннее изучение которых с позиции требований сегодняшнего дня в отечественной исторической науке делается очень многое. Руководствуясь наставлениями общенационального лидера Гейдара Алиева воспринимать, понимать и оценивать историю такой, какая она есть, азербайджанские историки прилагают все свои усилия, чтобы восполнить имеющийся в отечественной историографии пробел.

В этой связи, несмотря на разработанность отдельных аспектов проблемы, освещение на документальной основе более чем 200 летней истории одной из крупнейших держав на Ближнем Востоке – Азербайджанского государства Сефевидов всегда было и остается предметом пристального внимания исследователей. Это государство достойно вошло в историю развития азербайджанской государственности, насчитывающей около 5 тыс. лет.

Стоявший на относительно высокой ступени социально-экономического развития Азербайджан составил ядро государства, сложившегося в начале XVI века на территории Южного Кавказа и Ирана. Тюркского происхождения ардебильские шейхи Сефевийе и их потомки в

упорной борьбе сумели создать могучую Сефевидскую державу, территория которой простиралась от Кавказских гор на севере до Персидского залива на юге, от реки Евфрат на западе до реки Аму-Дарья на востоке, занимая площадь 3,3 млн. кв. км.

Азербайджанское государство Сефевидов спустя 100 лет после образования вступило в новый этап своего существования. Как известно, основателем этого государства был потомок сефевидских шейхов шах Исмаил, который, будучи талантливым полководцем, мудрым и тонким политиком, сумел привлечь на свою сторону земледельческую знать азербайджанских тюркских племен румлу, шамлу, гаджар, афшар, текелю, зулькадар, устаджлу и других, ставших его главной опорой в завоеваниях и становлении государства. При дворе Сефевидов и в войске говорили на азербайджанском языке, руководящая роль в государстве принадлежала азербайджанской военной знати, и повсеместно соблюдались азербайджанские традиции. Но в период наибольшего расцвета данного государства при шахе Аббасе I наблюдаются некоторые процессы, которые в исторической литературе трактуются как перерождение Азербайджанского государства Сефевидов в Иранское. Опустошительные османо-сефевидские войны и временная оккупация османами западного побережья Каспийского моря, т.е. Азербайджана, правление шаха Аббаса I, его политика, способствующая в некоторой степени усилению иранских элементов и, наконец, перенесение столицы в Исфахан дало повод некоторым авторам объявить Сефевидское государство сугубо иранским. Безусловно, такое утверждение не имеет под собой почвы, так как находившаяся у власти династия Сефевидов была азербайджанского происхождения и все-

гда доминировала в системе управления, что сыграло решающую роль в сохранении азербайджанского характера этого государства. В рамках же обширной Сефевидской империи в XVII веке Азербайджан благодаря геостратегическому положению между Западом и Востоком, наличию природных богатств, развитию ремесел, торговли и городов продолжал сохранять своё ведущее политическое и экономическое значение.

Именно поэтому при исследовании истории и культуры государства Сефевидов, в том числе места Азербайджана в системе этой державы, следует подойти комплексно с привлечением фактического материала и отказаться от односторонности, тенденциозности, так как явная или преднамеренная недооценка роли Азербайджана в становлении и развитии этой империи приводит к искажению исторической действительности.

По вопросу истории зарождения и развития Азербайджанского государства Сефевидов имеется ряд ценных исследований азербайджанских историков, среди которых особое место занимают фундаментальные монографии О.А.Эфендиева [157; 158], который на базе обширных персоязычных источников и опубликованной литературы впервые осветил историю образования в XVI веке и становления государства Сефевидов как азербайджанского.

Динамика развития азербайджано-русских торговых и политических отношений нашла своё отражение в значительных трудах видных азербайджанских историков, в ведших в научный обиход широкий круг источников, – Ф.М.Алиева [51; 52; 53; 56], М.Х.Гейдарова [75; 76; 77], И.П.Петрушевского [133; 134], А.А.Рахмани [142; 142] и других [61; 62; 81; 83; 87; 95; 118; 119].

Несмотря на то, что удобное географическое положение – близость к Волжско-Каспийской магистрали и южным границам Русского государства, – предопределили огромное экономическое и политическое значение Азербайджана в русско-сефевидских отношениях, эта проблема, являясь одним из важных аспектов в изучении истории государства Сефевидов в указанный период, не была предметом специального исследования.

Экономический подъём Москвы, а так же внешне-политические успехи позволили Русскому государству продвинуться далеко на Юг, овладеть бассейном Волги и к середине XVI века выйти к северным берегам Каспия, установив непосредственные отношения со странами Востока, в первую очередь, с Кавказом. Противостоящей России силой была Османская империя, которая в XVI веке достигла апогея своего могущества, и османские султаны с помощью крымских ханов стремились перекрыть русским путь на Северный Кавказ. В свою очередь, Сефевидское государство с самого начала своего существования так же вынуждено было бороться против завоевательных действий османских султанов, стремившихся овладеть Азербайджаном и выйти к западным берегам Каспия для установления контроля над доходными торговыми путями между Азией и Европой, что вынуждало Сефевидов настойчиво искать союзников. Совпадение интересов двух государств в борьбе против Османской империи и её союзника Крымского ханства диктовало необходимость укрепления русско-сефевидского политического и экономического союза.

Таким образом, в изучаемый период Азербайджан с его геополитической значимостью становится основным объектом внимания не только Османской империи, но и

сферой интересов Русского государства.

История русско-сефевидских и, в частности, русско-азербайджанских отношений нашла своё определенное отражение в советской русской историографии. В этой связи следует отметить работы Б.Б.Бартольда [67; 68], Н.А.Смирнова [148], Е.Н.Кушевой [114], А.П.Новосельцева [126, 129], П.П.Бушева [71], Н.Г.Кукановой [109] и др. Отдавая должное вкладу этих авторов в историческую науку, однако, отметим, что они рассматривали интересующие нас вопросы лишь в ракурсе русско-иранских отношений, а Азербайджан либо игнорировался, либо оставался вне поля их зрения. Именно поэтому в представленной монографии, на основе широкого спектра русских архивных материалов и исторической литературы делается попытка показать место и роль Азербайджана во взаимоотношениях Сефевидской империи с Русским государством в XVII веке. В этой связи в работе показывается удельный вес Азербайджана в системе Сефевидской империи в политическом и торгово-экономическом аспектах, характеризуются беглярбекства Азербайджана, в частности Ширванское, занимавшее значительное место во взаимоотношениях России с Сефевидами, определяется значение Азербайджана в связях России со странами Востока, осуществляемых по Волжско-Каспийскому пути и раскрывается политическая и торгово-экономическая заинтересованность русского царизма в Азербайджане.

Данное исследование базируется на огромном количестве документов, хранящихся в архивах Российской Федерации, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Основной фактический материал был собран из фондов Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА), Отдела Письменных источни-

ков Российского Государственного Исторического Музея (РГИМа) и Научного архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. Эти документы проливают свет не только на внутреннее положение Азербайджана, но и позволяют определить его место в системе Сефевидской империи, в её экономике, политике, торговле, констатируя широкие взаимосвязи Азербайджана с соседними странами, в частности с Русским государством.

Необходимо отметить, что в процессе работы с документами в названных архивах были определенные трудности. Прежде всего, это связано с плохой сохранностью архивных материалов, т.е. с трудностями технического характера. Время наложило свой отпечаток на документы XVI-XVII веков, многие из которых были повреждены, деформированы, часть из них выдавалась в виде микрофильмов, что значительно затрудняло их чтение. С другой стороны, во многих документах изучаемого периода нет четкого различия между Ираном и Азербайджаном, что требовало скрупулезного подхода, и лишь по конкретным данным, например, названиям местностей, городов, товаров можно было выделить среди них Азербайджан. Интересен тот факт, что сами русские цари в XVII веке, строго соблюдая титулование, выделяли Азербайджан, обращаясь в своих грамотах к шахам Сефевидской империи как к государям «Персидских и Ширванских земель...» [4.4а, л. 119, 268]. Почти во всех дипломатических документах, относящихся к «Персидским делам» наиболее часто встречаются названия азербайджанских городов – Шемахея (Шамаха), Кенжю (Гянджа), Бако (Баку), Тавриз (Тебриз), что позволяет конкретизировать эти материалы и относить их непосредственно к истории Азербайджана.

При проведении данного исследования исключительное значение имели материалы архива Посольского приказа, фонда 77 «Сношения России с Персией», представленные в основном дипломатической документацией XVI-XVII вв.: статейными списками¹ послов и посланников, грамотами,² наказами,³ отписками.⁴ Данный фонд начинается с документов 1588 г., когда в Сефевидское государство было отправлено посольство Григория Васильчикова. К сожалению, архив не располагает более ранними материалами, которые, несомненно, существовали, так как московские государи в своих грамотах, обращаясь к правителям Сефевидской державы, писали: «...Государь наш не хотечи прежних ссылок порвать как были ссылки и дружба великого государя нашего и прадеду и отцу нашего государя и с дедом и с отцом Аббас Шаховым» [4.1, л. 41].

Как явствует из архивных данных, с 1588 по 1600 гг. в Сефевидском государстве от России побывали три посольства: в 1588 г. – посольство Г.Васильчикова, в 1595 г. – князя А.Звенигородского, а в 1597 г. – В.Тюфякина [4.1, л. 299; 4.2, л. 3; 4.3]. Столь частые визиты стали возможными после завоевания Русским государством Астрахани (1556 г.) и его возросшей заинтересованностью в восточной торговле. Добившись свободного выхода в Каспийское море, Москва с целью расширения торговли стала отправлять свои суда из Астрахани далее на Восток. По справедливому замечанию В.В.Бартольда, именно «торговые отношения сблизили русских с народами Востока» [67, 13].

Уже в XV в. одним из центров восточной торговли Русского государства было Ширванское государство со столицей в Шамахе, являвшейся одним из основных по-

ставщиков в Россию шелка-сырца, риса и нефти. Славившийся хорошим качеством ширванский шелк вывозился также в Индию, Турцию и Италию.

Торговля с Сефевидами для Московского государства приобретает особое значение, начиная с середины XVI в., когда европейские государства устремились к восточным рынкам, используя самый удобный и безопасный путь из Европы на Восток, проходивший через Московское государство. Основной торговый путь в Сефевидское государство шел из Астрахани, откуда по Каспийскому морю на бусах⁵ плыли в Баку или до Ниязабадской пристани, оттуда уже по караванному пути добирались до Шамахи, а затем во внутренние области государства. Судя по документам Посольского приказа, на рубеже XVI-XVII вв. после захвата османами Баку этот торговый путь изменился, о чём в архивном документе говорится: «...дорога куда ходят государевы посланники из Астрахани в Кызылбаши⁶ ...» [4.1, л. 8]. Подробное описание нового пути с точным определением места прибытия судов дает исследователь М.Фехнер [154], которая пишет, что из «Астрахани плыли не в Баку, а до Гиляна, хотя и здесь было небезопасно». В документах конца XVI в. неоднократно встречаются сведения купцов и посланников об опасности этого пути в связи с военным временем: «...выехали из Баке турецкие люди многие на каторге и во многих сандалех⁷ с вогненным боем и учили⁸ по бусе стрелять ис пушек и ис пищалей⁹...» [4.4а, л. 277]. Это подтверждается и другим архивным документом, где констатируется, что посланник от Русского государства Григорий Васильчиков просил шаха Аббаса «...кормщиков дать добрых, которые знали б на Туркменское пристанище и к Баке, и к Дербени не заехали» [4.1, л. 106]. В

статейном списке Васильчикова также приводится перечень азербайджанских городов, занятых османскими войсками: «...поймал турецкой у шаха больше места опричь волостей и пригородов, опричь Тевриза и Шемахи, Ширвана и Баки, и Дербени...» [4.1, л. 72]. Другой архивный документ также подтверждает «...что лучшие города в Кызылбашех ни были ж все ныне за турским...» [4.1, л. 72]. Торговые возможности азербайджанских городов и их геостратегическое расположение послужили основной причиной противостояния Османской и Сефевидской империй, о чем в статейном списке русского посла князя А.Звенигородского записано: «...над Тевризом и над Ширванской землею много крови лилося...» [4.3, л. 156об.].

Турецкая оккупация отразилась и на торговых связях Русского государства с Сефевидской империей и в частности с Азербайджаном, так как в этот период не могло быть и речи о торговле по сухопутному пути, что видно из обращения шаха Аббаса I к посланнику Русского государства князю Звенигородскому: «... как вотчину свою Ширванскую землю возьму и тогда меж нас послы и посланники учнут ходити сухим путем без урыву...» [4.3, л. 144].

Примечательно, что хотя почти вся территория Азербайджана в конце XVI – начале XVII веков была занята Османской империей, однако московские государи продолжали в дипломатической переписке XVI-XVII веков называть шаха Аббаса I «... Ширванские земли великого государя...». Дипломатические отношения обоих государств в этот период были равными и строились на традиционных обещаниях о взаимопомощи против Османской империи: «...быти с братом своим со государем

вашим в братской любви и в дружбе и в соединении и на турецкого султана стояти заодин крепко и неподвижно навеки» [4.1, л. 100], за что шах обещал в пользу Русского государства «поступитца¹⁰ Баку и Дербендом» [4.1, лл. 6, 7, 8]. Несмотря на то, что переговоры между обоими государствами на рубеже XVI-XVII вв. велись только в ракурсе этих положений, реальных результатов достигнуто не было. Безусловно, Русское государство было крайне заинтересовано предложением об уступке им азербайджанских городов Дербенда и Баку, имеющих важное значение в торговле, так как в отличие от восточных берегов Каспия являлись хорошо укрепленными естественными гаванями. Наряду с этим оно надеялось за счет этих городов расширить рынки сбыта и приобрести богатые шелком-сырцом области Азербайджана, которые к тому же являлись ещё главными поставщиками нефти, шафрана, риса, тканей, красящих веществ, оружия, драгоценных камней и т.д. Безусловно, Азербайджан в изучаемый период являлся сферой интересов Русского государства.

Судя по документам Посольского приказа, дальновидный шах Аббас I, ведя переговоры с московскими послами, не отказывался от предложения своего отца об уступке названных городов в обмен на помощь русского царя в борьбе против Османской империи, однако обе стороны не приняли действенных мер для реализации этих планов. Миссия каждого посольства заканчивалась просьбой о присылке нового, «которое и заключит окончательный договор» [4.3, л. 7]. Осmano-сефевидские войны завершились в 1639 г. поражением Турции. Сефевиды своими силами смогли полностью освободить территорию Азербайджана, и вопрос этот в переговорах с Россией более не обсуждался.

Начиная с последней четверти XVII в. Сефевидская империя, находившаяся в состоянии глубокого упадка, не проявляла особой активности в политико-дипломатических отношениях с Русским государством, что и объясняется, по-видимому, ограниченностью сведений в архивных документах данного периода. В то же время это отнюдь не говорит о прекращении торговых взаимоотношений между государствами. Более того, материалы из «Книги Персидских Товаров» [20] подтверждают торговые операции русских купцов в Азербайджане. Сведения из этой книги, где зафиксированы предметы торговли в основном азербайджанского происхождения, хотя охватывают исторически короткий отрезок времени конца XVII века, так же констатируют торговлю между царскими и шахскими купцами.

При написании монографии был использован широкий круг и опубликованных источников, в которых содержатся ценные сведения торгово-дипломатического характера, относящиеся конкретно к Азербайджану. Это «Собрание Государственных Грамот и Договоров» [39], «Полное Собрание Законов о Российской империи с 1649 года» [31], «Русская Историческая Библиотека» (РИБ) [38], «Акты Исторические» [5].

Особое внимание заслуживает также трехтомное издание архивных документов из фонда 77 РГАДА за 1588-1620 годы под редакцией востоковеда Н.И.Веселовского, опубликованное в 1890-1898 гг. [10]. Значимость данного сборника неопределима, так как в них имеется немало сведений об Азербайджане и азербайджано-русской торговле изучаемого периода.

Большой интерес для нашей темы представил ряд сочинений русских и европейских путешественников, по-

бывавших в изучаемый период в Сефевидском государстве – Я.Ф.Котова [47], А.Суханова [41], И.Массы [25], А.Олеария [28], Я.Стрейса [40], Корнели де Брюина [21], Шардена [167], Аврил Филиппа [6] и других [6; 15; 17; 19; 21; 25; 26; 37; 40; 47], которые оставили богатый материал, охватывающий различные стороны жизни азербайджанцев и других народов, населяющих Сефевидскую империю. Несмотря на то, что большинство европейских путешественников называли всех проживающих здесь народностей обобщенно персами, всё же их сообщения как непосредственных очевидцев развернувшихся на местах событий являются ценным дополнением к данным русских архивов и помогают более полному раскрытию отдельных аспектов темы.

Нами также частично были использованы труды русских исследователей М.Чулкова [45], Н.Костомарова [22], П.Мельгунова [120], А.Попова [34], О.Зубашевой-Корнилович [92], А.Шпаковского [156], Г.Котошихина [105], А.Мулюкина [123], Е.Козубского [104], которые, однако, в силу тенденциозности также не ставили различия между Азербайджаном и Персией. Впервые на это обратил внимание видный азербайджанский исследователь Е.Зевакин, который, хорошо зная специфику источников изучаемого периода, отметил, что под термином «Персия» часто подразумевается Азербайджан, а под «персами» – азербайджанцы [87, 18].

Весьма интересные данные об азербайджанских беглярбекствах в XVII веке имеются в использованном в нашей работе труде Сам Мирзы «Тезкират ал-мулюк» («Памятная записка для царей») [166]. Здесь даны подробные сведения о государственном аппарате, о доходах, контингентах ополчений в беглярбекствах, о приходном и

расходном бюджете государства и т.д.

В зарубежной, в частности, в западно-европейской исторической литературе [163; 164; 165] сведения по интересующей нас теме очень ограниченные, и, как правило, в этих работах история Азербайджана в изучаемый период не отделяется от истории Ирана, многие факты искажаются, а главное, игнорируется или затушевывается самостоятельное историческое развитие азербайджанского народа и его государственности.

ГЛАВА I

МЕСТО АЗЕРБАЙДЖАНА В СИСТЕМЕ СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ В XVII ВЕКЕ

Государство Сефевидов было создано усилиями азербайджанских тюркских племен во главе с шахом Исмаилом I, называвшим себя «борцом за трон и царство Азербайджана» [132, 65; 133; 142, 42] в начале XVI века. На протяжении всего столетия до реформ шаха Аббаса I (1537-1628), при котором государство стало более могущественным и достигло наибольшего расцвета, руководящая роль в нем принадлежала азербайджанской военной знати [133, 68], тогда как иранские феодалы могли занимать лишь второстепенные гражданские и духовные должности. Как справедливо отмечал И.П.Петрушевский, о руководящей политической роли иранских элементов в этот период не могло быть и речи [133, 70]. При дворе Сефевидов и в войске говорили на азербайджанском языке, в основном были приняты азербайджанские традиции [133, 70]. Об азербайджанском происхождении Сефевидского государства в свое время писал и видный востоковед В.В.Бартольд [68, 101].

Несмотря на то, что Азербайджан являлся колыбелью Сефевидского государства, с конца XVI в. в результате ряда объективных и субъективных причин его опре-

деляющая роль в политической жизни Сефевидской империи несколько меняется. Особенно на это повлияли захват Турцией в конце XVI в. большей части территории Азербайджана и перенесение шахом Аббасом I столицы из Азербайджана в глубь Ирана – Исфаган. Однако, как было отмечено выше, в системе управления государством до конца его существования оставалась азербайджанская династия Сефевидов, что было важным фактором в процессе сохранения азербайджанского характера данного государства. В рамках Сефевидской империи историческое пространство Азербайджана, несмотря на вышеуказанные процессы продолжало сохранять в XVII свое важное политическое и экономическое значение.

Стремление Османской империи овладеть богатейшими областями Азербайджана послужили началом серии осmano-сефевидских войн в конце XVI века. В результате военных действий Турция захватила северные области Азербайджана вплоть до Каспийского моря. Русский посланник в Сефевидском государстве Васильчиков в статейном списке отмечал, «...что лутчие города в Кызылбашех ни были ж, все ныне за турским...» [4.3, л. 114]. Сефевидская империя, потеряв северо-восточную часть своей державы, лишилась не только основной житницы государства, но и региона, через который она поддерживала регулярные торговые отношения не только с Россией, но и с западноевропейскими странами, что имело огромное значение для экономической и политической жизни страны. Не случайно азербайджанский историограф Искендер Мюнши писал, что за время нахождения земель северной части Сефевидской империи под властью османов, шах Аббас I был озабочен только тем, что-

бы возвратить его в число владений Сефевидов [127, 64]. Эту мысль подтверждает и архивный документ, в котором шах Аббас, обращаясь к посланнику Русского государства князю Звенигородскому, говорит «...как вотчину свою Ширванскую землю возьму и тогда меж нас послы и посланники учнут ходити сухим путем без урыву» [4.3, л. 114].

В результате военных операций 1603-1607 гг. вся территория Южного Кавказа и в частности Азербайджана была отвоевана шахом Аббасом I, а дальнейшие попытки Османской империи вновь вернуть их не увенчались успехом [94, 249; 133, 82; 142, 39-63]. Азербайджан, занимавший огромные территории, отошёл к Сефевидской империи с прежним административным делением на четыре беглярбекства: Ширванское – с центром в Шамахе, Гарабахское (Гянджинское) – с центром в Гяндже, Тебризское (Азербайджанское) – с центром в Тебризе и Чухурсаадское – с центром в Иреване [94, 249].

Одним из крупных азербайджанских беглярбекств, которое по своему масштабу могло соперничать лишь с беглярбекством Фарс, было Тебризское, куда помимо областей территории современного Южного Азербайджана – входил и Талыш. Второе место по величине занимало Ширванское беглярбекство, в состав которого входили северная и северо-восточная территория Северного Азербайджана с городами Шамаха, Баку, Шеки, Губа, Ареш, Сальян, Джевад, а также Дербенд. Гарабахское беглярбекство занимало почти всю территорию междуречья Куры и Аракса, в том числе и Гарабах, а также северо-западные земли северного Азербайджана с городами Гянджа, Барда, Акстафа, Газах. В состав Чухурсаадского беглярбекства в XVII в. была включена Нахчыванская

область.

В беглярбекствах верховная власть принадлежала беглярбекам, носившим титул хана [142, 93], которые, будучи государственными сановниками, назначались и сменялись шахом. Эта должность в XVI веке была наследственной, и беглярбеки фактически превращались в своего рода владетельных феодалов, к числу которых причислялись, например, гарабахские беглярбеки из знатного семейства Зийяд оглулар из рода Гаджар, властвовавших с некоторым перерывом более 200 лет с середины XVI в. до начала XIX в. в Гарабахе, а затем в Гянджинском ханстве [16, 125; 132, 21; 133, 250]. Опасаясь усиления беглярбеков, шах Аббас I стремился уничтожить права наследования, особенно в пограничных областях, однако добился лишь частичного успеха в отношении некоторых из них. С целью ограничения власти беглярбеков их, как правило, окружали множеством чиновников, преданных центральной власти. И.П.Петрушевский объясняет эту внутреннюю политику как создание опоры на местах с целью укрепления власти шаха [132, 25]. Поскольку пограничные области оказывались в военном отношении наиболее уязвимыми, сефевидские шахи назначали туда беглярбеков из числа особо доверенных им лиц. Так, большинство беглярбеков Ширвана в XVII в., где были расположены войска, назначались из шахских гвардейцев-гулямов,¹¹ а не из местной знати [132, 251]. Поэтому ширванские беглярбеки, сосредоточившие в своих руках как административную, так и военную власть, имели большие права и широкие полномочия. Не случайно, голландский путешественник Корнели де Брюин, будучи в Шамахе, подчеркивал в своих записках, что «хан управляет как царь..., у него канцелярия,

советники, помощники...» [21, 491].

Естественно, что пограничные беглярбекства особенно были сильны в военном отношении. Так, в Шамахе в резиденции хана имелось несколько пушек, две из которых стояли у ворот города. По сведениям того же путешественника, общее число войск в городе составляло «2500 человек, из которых 300 служили в пешей гвардии» [21, 490].

Если обратиться к данным персидского источника – «Тезкират ал-Мулюк» [166, 100], то станет ясно, что в азербайджанских беглярбекствах было сосредоточено значительное число войска:

<i>Беглярбекства</i>	<i>Количество войска</i>
Тебризское	11439
Гарабахское	6084
Ширванское	3175
Чухурсаадское	4287

Как видно, на рубеже XVII-XVIII вв., когда Сефевидская империя в целом переживала политический и экономический кризис, Азербайджан продолжал занимать важное место в её военно-политической структуре, что позволяло последнему не только подавлять внутренние волнения, но и отражать возможные внешние вторжения. Для подтверждения приведем следующее сравнение: если в одном только Тебризском беглярбекстве имелось около 11,5 тыс. войск, то в четырех других вместе взятых беглярбекствах, расположенных во внутренних областях государства, было 8023 войска, из них в Гератском беглярбекстве – 2780, в Астрабадском – 2453, в Гилянском – 2325, в Фарском – 465 [166, 100].

Об экономическом значении Азербайджана свидетельствует и сумма доходов азербайджанских беглярбекств в сефевидскую казну:

<i>Азербайджанские беглярбекства</i>	<i>Доходы в туманах</i>
Тебризское	34234
Чухурсаадское	25536
Гарабахское	16472
Ширванское	21983
Итого:	98225

<i>Внутренние беглярбекства</i>	<i>Доходы в туманах</i>
Гератское	26611
Астрабадское	12891
Гилянское	14404
Фарское	27544
Итого:	57450

Цифры говорят сами за себя. Как явствует из этих данных, доход внутренних областей в центральную казну был почти вдвое меньше азербайджанских. Природные богатства края и значительное производство здесь, в частности в Ширванском беглярбекстве шёлка-сырца, шафрана, добыча нефти, а также выгодное расположение азербайджанских беглярбекств на стыке транзитных торговых путей позволили занять им доминирующее положение среди других областей Сефевидской империи.

Особое место, которое занимали ширванские беглярбеки в системе империи, привело к усилению их централистских устремлений, вплоть до присвоения ощутимой части взимаемых налогов, наносивших тем самым ущерб государственной шахской казне. Так, русский пу-

тешественник Арсений Суханов, посетивший Ширван в 1658 г., писал, что «... ширванский беглярбек имеет в Шамахе пышный дворец наподобие шахского с многочисленными слугами и гулямами и порою перестаёт слушать шахские фирманы»¹² [41, 113-116]. В начале XVIII в. русский посланник в Шамахе А.Волынский также констатировал усиление сепаратистских тенденций, являвшихся характерными и для XVII в.: «...сия (шахская – Г.С.) власть остается в одном титуле, а не в действие и только что почитают яко государя и повелителя, а мало слушают...» [87, 6].

В последней четверти XVII в. беглярбеки Азербайджана, пользуясь ослаблением центральной власти, ведущей к политическому и экономическому кризису государства, полностью отмежевались и перестали считаться с ней. По справедливому замечанию видного историка Г. Абдуллаева, по существу беглярбеки являлись государями в государстве [48, 74]. Так, направленный в 1695 г. в Исфаган в качестве посланника к шаху купец С.Маленький, путь которого лежал через Шамаху, был задержан на довольно длительное время беглярбеком Ширвана Зал-ханом, который отпустил купца, лишь получив с него определенную плату. Об этих бесчинствах в Шамахе в архивном документе говорится: «... а как они в Шемахе жили, и над ними де тамошние жители ругались, и его, Семена били, и у астраханского стрельца саблею голову в двух местах порубили. И он де, Семен, ему, Зал-хану бил челом, и управы никакой не получил» [59, 63].

Как упоминалось выше, Тебризское беглярбекство по вносимым в казну доходам занимало первое место, однако сефевидские шахи наибольшее значение придавали Ширванскому беглярбекству. О его особом месте в

системе Сефевидской державы можно судить и по русским архивным источникам, в которых ни одно из беглярбекств не упоминается столь часто как Ширван. Это объяснялось не только социально-экономическим, стратегическим и политическим значением Ширвана, но и возросшим к нему интересом самой России, так как через его территорию проходила часть международных торговых путей, а благодаря Волжско-Каспийскому пути он был основным посредником в восточной торговле.

Выгодное географическое расположение в стратегическом отношении давало Азербайджану большие преимущества для ведения как наступательных, так и оборонительных войн. Наличие высоких гор с труднодоступными проходами служило естественным заслоном от нападений врагов с севера. Важное значение имел и Дербендский проход, примыкавший к Ширванскому беглярбекству [57, 5]. С древнейших времен многие завоеватели упорно стремились к его овладению, и, как правило, эти военные действия непосредственно затрагивали Ширван, который выступал в роли своего рода щита от иноземных вторжений. Кроме того, территория Ширвана находилась в непосредственной близости от Русского государства, с которым сефевидские шахи стремились поддерживать дружественные торгово-экономические и политические отношения. Так, Шах Аббас, по политическим мотивам учитывая стратегическую важность Дербенда, облегчил налоговое обложение и предоставил городу налоговый иммунитет [122, 348].

Историческое пространство Азербайджана отличалось обилием богатых пастбищ и естественных ресурсов. Здесь было развито сельскохозяйственное производство, выращивались многие виды сельскохозяйственных куль-

тур, необходимых для нужд населения. Об этом отмечали побывавшие в Азербайджане многие путешественники. По данным одного из них, в одном только Тебризском беглярбекстве выращивалось семь видов пшеницы [44, 156]. Голландец Ян Стрейс, говоря о наличии здесь отборных хлебных посевов, отмечал высокое качество азербайджанской пшеницы [40, 277].

Посетивший в 1677 г. Марагу Закарий Акулиссский писал, что здесь производится «отменный рис, который по качеству выше индийского» [15, 28]. В XVII в. в Азербайджане в значительном количестве выращивался и хлопок [15, 28]. Как отмечал турецкий путешественник Эвлия Челеби, на полях Ширвана, Хоя, Гянджи, Нахчывана, Маранда, Мараги и других областей в огромном количестве возделывался хлопок, которого насчитывалось семь сортов. Хлопок выращивался почти во всех областях Азербайджана, но исключительно важную роль хлопководство занимало в экономике Нахчывана, Гарабаха и Южной части Азербайджана, где поля засеивались хлопком, являвшимся важной технической культурой и одним из основных предметов вывоза [28, 401; 78, 27].

Азербайджан славился своими фруктовыми садами и производством маслин. Путешественник А.Олеарий в своих записях упоминает о развитии здесь виноградарства, при этом он особо подчеркивает, что под влиянием азербайджанских виноградарей в Астрахани был выращен виноградник высшего сорта, который отправлялся великому московскому князю, воеводам и боярам [28, 401]. Широкое развитие в крае получило шелководство, выращивался также корень марены, служивший в качестве естественного красителя.

Немаловажное значение в Азербайджане имело и

скотоводство, в их числе овцеводство, верблюдоводство, а также здесь разводили крупный рогатый скот.

Недра азербайджанской земли были богаты полезными ископаемыми – медью, золотом, свинцом, железом, что обусловило широкое развитие ремесленного производства, продукция которого отличалась большим разнообразием [80, 139].

В прикаспийских областях Азербайджана в частности в Ширванском беглярбекстве, которое, с одной стороны, было ограничено рекой Курой, с другой – Каспийским морем, было развито рыболовство. В России особо ценилась привозная из Азербайджана паюсная и зернистая икра, откуда она, в свою очередь, экспортировалась в страны Западной Европы – Англию, Францию, Нидерланды, Италию, где считалась деликатесом [77, 43].

Значение Азербайджана в системе Сефевидской империи определялось также развитием азербайджанских городов, являвшихся центрами ремесленного производства и торговли. Согласно данным источников, в XVI-XVII веках в Азербайджане насчитывалось более 50 городов [77, 107; 126, 108], торгово-экономическое и хозяйственное значение которых так же нашло отражение в русских архивных документах XVII века.

Несмотря на общий упадок Сефевидской державы в конце XVII в. благодаря Волжско-Каспийскому пути в экономике и торговле Азербайджана на протяжении всего века наблюдался ощутимый подъём, и особо важное значение приобретали такие азербайджанские города как Шамаха, Ареш, Дербенд, Баку, Шабран. Так, Шамаха, являясь узловым торговым центром, была вовлечена в каспийскую торговлю через Ниязабадский порт и отчасти Баку. Выгодное географическое расположение перечис-

ленных азербайджанских городов приобщило их к транзитной торговле между Востоком и Западом [51, 58]. В описаниях русских и европейских купцов и путешественников, которые являются важным дополнением к данным русских архивных документов, имеются интересные сведения об азербайджанских городах и их торгово-хозяйственной жизни [47; 44; 28].

Ценные сведения о городе Баку оставил Энгельберт Кемпфер, который в 80-х годах XVII в. был секретарем шведского посольства, направленного в Сефевидское государство. Свою работу он начинает с описания удобства расположения города, как гавани и его значимости в восточной торговле. По его словам, «...из гавани он (город) открывается тремя воротами для более удобной перевозки товаров. Около моря воздвигнуты двойные стены города, противопоставленные морю ... и протянутые далеко в море и в известной мере параллельные берегу ... здесь спокойно укрываются корабли из России, Дагестана, Туркмении, Узбекистана...» [19, 25]. Кемпфер особо выделяет и описывает находившиеся в городе караван-сарай, что свидетельствует об оживленной здесь торговле с другими странами [19, 26]. Главным же богатством Баку, выделявшим его среди других азербайджанских городов, Кемпфер считал нефть и потому обстоятельно описал нефтяное дело. Нефть, которую он называл «особым маслом», в очень больших количествах черпалась из постоянных колодцев и в бурдюках развозилась для продажи. Описанные Кемпфером колодцы располагались около Баку, в местностях, ныне известных под названием Балаханской и Сураханской площадей. По его сведениям, добыча нефти на Апшероне составляла до 2 тыс. пудов в день [19, 26]. Аналогичные сведения о добыче нефти в

Баку приводит и путешественник Эвлия Челеби [44, 168]. Привлекает внимание также сообщение итальянского путешественника Пьетро делла Вале, который писал, что «в Баку много нефти и шах извлекает хороший доход», так как нефтяные колодцы в большинстве принадлежали шахской казне, получавшей с них до 7 тыс. туманов чистого годового дохода [139, 73]. По сведению другого современника, прибыль от продажи нефти приносила ежегодно шахской казне до 12 тыс. туманов. Особую ценность представляла белая нефть, имевшая более широкий сбыт, и вывозившаяся за границу [166, 389].

Исходя из данных Кемпфера и других авторов, азербайджанский историк М.Х.Гейдаров подсчитал, что среднегодовая добыча нефти в Баку во второй половине XVII в. составляла, примерно, 500 тыс. пудов [75, 89], что являлось для того времени хорошим показателем.

Так как нефть была одной из доходных статей шахской казны, то Баку как один из городов Ширванского беглярбекства с его нефтяными окрестностями приобретает особый статус. Пользовавшаяся большим спросом не только в самой стране, но и за ее пределами нефть вывозилась из Баку в Дагестан, Среднюю Азию, а также по Волжско-Каспийскому пути в Россию [130, 958]. В русских архивных документах встречается множество фактов, свидетельствующих о ввозе нефти в Московское государство, которую хранили в Московском Кремле в медных котлах [62, 197]. Так в «Росписи пушечных запасов» записано, что нефть употребляли для отопления и освещения, а также она шла на нужды военного дела [2, л. 1, 3; 3.1, л. 1, 10].

Большим спросом пользовалась и бакинская соль, добычу которой также описал Кемпфер. Соль добывали

летом в основном на озере Масазыр, откуда ее вывозили в различные области страны и за ее пределы.

Важным предметом вывоза являлась очень ценная и редчайшая культура – шафран, который выращивался в Баку и его окрестностях. По сведению одного французского миссионера, в «Баку почва благородная и изобилует шафраном...» [36, 97]. Его употребляли в пищу как пряность, а так же пользовались для окраски шелковых и шерстяных тканей и пряжи, он так же был известен как лекарственное средство [80, 188].

Путешественники в своих дневниках не раз отмечали значение города Баку, как хорошего порта на Каспийском море, имевшего даже своё превосходство перед Астраханью, так как был судоходен круглый год, что имело немаловажное значение для развития торгового судоходства. По словам Яна Стрейса, в бакинскую «гавань приходили и стояли большие суда» [40, 231]. Французский миссионер, отмечая это преимущество Баку, писал: «...бакинский султан с легкостью платит ежегодную сумму в казну», т.е. «Баку извлекает чрезвычайные выгоды от близости с Каспийским морем» [36, 97].

Город Тебриз так же был одним из важных торгово-ремесленных центров Азербайджана. Благодаря выгодному географическому и стратегическому положению он, быстро оправившись от последствий осmano-сефевидских войн и сильного землетрясения 1641 г., вступил в период своего расцвета. По данным Э.Челеби, здесь было 47 медресе¹³ и 400 мектебов¹⁴ [44, 125], а по сообщению Шардена, – «16 тыс. домов, 15 тыс. мастерских лавок, 250 мечетей» [167, 321]. Хотя эти цифры сильно преувеличены и не подтверждаются другими источниками, однако они свидетельствуют о том, что Тебриз в середине XVII

в. был большим густонаселенным городом. Кстати, Шарден, говоря о численности населения Тебриза, дает гиперболическую цифру в 550 тыс. человек [167, 321]. В то же время число домов у него составляет всего 16 тысяч, что приравнивается, примерно, к 80 тыс. человек. В развитии Тебриза как крупного торгового центра первостепенную роль сыграли проходившие через него важнейшие караванные пути, что подтверждается наличием здесь большого количества караван-сараев. По сведениям путешественников, к середине XVII в. в Тебризе насчитывалось 200 крупных и средних и 70 небольших караван-сараев, а в 1670 г. их число доходило до 300 [161, 289]. В XVII в. Тебриз был известен и как крупный ремесленный центр [80, 32], что обуславливало большой приток купцов из многих стран [77, 32]. Развитие в городе различных отраслей ремесленного производства дало основание Эвлию Челеби констатировать, что «здесь были самые лучшие мастера всех видов ремесла». Он писал, что «самые красивые в Азербайджане полотенца и одежда изготавливались в Тебризе» [44, 128]. Развитие городского ткацкого ремесла в Тебризе зависело от привозного шелка-сырца, который доставлялся сюда из Шамахи, Гянджи, Ареша, Гиляна, Мазандарана. Ежегодно здесь на производство различных изделий расходовалось около 6 тюков, или 30-40 тыс. пудов шелка-сырца [161, 30]. Согласно Шардену, в городе имелось много мастеров по изготовлению шелка, и привозной шелк-сырец обрабатывался и вывозился на продажу в средиземноморские страны, азиатские пристани и в страны Северной Европы [167, т. 2, 327].

Тебриз также был одним из крупнейших центров Ближнего и Среднего Востока по изготовлению ювелир-

ных изделий, отличавшихся высоким качеством. Эвлия Челеби писал, что «таких как в Тебризе искуснейших мастеров-ювелиров ни в каком другом краю нет» [44, 128]. Здесь функционировал даже базар ювелиров, получивший популярность далеко за пределами страны.

Высокого развития в XVII в. получило в Тебризе производство огнестрельного оружия, изготавливаемого из высококачественной стали. Начиная с периода правления азербайджанского государства Аг-коюнлу город был одним из крупнейших центров его производства на Ближнем Востоке. Тебризские мастера принимали участие в отливке пушек, используемых во времена осады сефевидскими войсками Тифлиса, Гянджи, Шамахи и ряда других городов [75; 77, 210; 161, 31]. Внешняя торговля Тебриза занимала доминирующее положение в экономической жизни города [167, 31]. Посетившие Тебриз путешественники и купцы называли его «торговым городом». Тебризские базары, самый большой из которых именовался царским – «Кейсарие», изобиловали предметами ремесленного производства, пользующиеся высоким спросом как на Востоке, так и в странах Западной Европы. Кейсарие подробно описан Шарденом, который считал его самым великолепным базаром не только Тебриза, но и всей Азии [167, 30]. Через Тебриз, являвшийся узловым центром торговли между Востоком и Западом, кроме готовых товаров переправлялся и шелк-сырец для удовлетворения потребностей растущей в этот период мануфактурной промышленности. Для расширения торговых связей со странами Центральной и Западной Европы тебризские купцы использовали удобный для них Волжско-Каспийский путь, через который осуществлялась торговля с Россией, а через неё – с Европой.

В системе Сефевидского государства из азербайджанских городов в XVII в. выделялся и город Гянджа, который во время османо-сефевидских войн сильно пострадал. Его жители были выселены шахом Аббасом I, но во второй половине XVII в. город заново возродился на новом месте и стал одним из значительных торгово-ремесленных центров Азербайджана [77, 117]. Судя по источникам, в изучаемый период Гянджа была одним из красивейших городов всего Южного Кавказа. Путешественник Аврил Филипп, давая ему оценку как одному из лучших городов Азербайджана, назвал Гянджу «цветником империи», где базары и рынки, расположенные в центре города, отличались своей красотой и великолепием» [6, 79]. Побывавший здесь на рубеже XVII-XVIII веков Корнели де Брюин, отмечая архитектурные особенности Гянджи, писал, что она «в четыре раза больше Шамахи, в основном состоит из множества двухэтажных каменных домов, красивых улиц, великолепных базаров, больших караван-сараев и громадного дворца беглярбека». Корнели де Брюин утверждал, что «Гянджу можно считать одним из значительных городов этого края» [21, 494]. Одновременно Гянджа являлась важным торговым центром, где, по словам путешественника Аврил Филиппа, находилось большое скопление иностранных купцов, что объяснялось выгодным расположением города [6, 73]. Арсений Суханов, проезжавший через Гянджу в июле 1652 года, был поражен грандиозностью развалин старого города, о котором писал, что «приехали в Старую Гянджу, место было гораздо велико населено, и град был другой около него, и посад гораздо велик был, старой де шах разорил, тому лет 40... Град и всякое здание по почву разбиты, одна мечеть стоит цела» [41, 103, 104]. Так как

район Новой Гянджи располагал значительными природными богатствами, здесь бурно развивалось ремесленное производство. Богатейшие залежи кобальта создали условия для развития металлообработки и красильного дела. Изготавливаемые гянджинскими ремесленниками товары пользовались спросом далеко за пределами Сефевидского государства. Развитие шелководства и хлопководства способствовали расширению текстильного производства, изделия которых пользовались спросом на международном рынке. Так, купцы из Западной Европы продавали у себя на родине шелк из Гянджи, называя его «*Seta Ganga*». Эвлия Челеби писал, что «шелка Гянджи известны всюду» [44, 156].

В изучаемый период из азербайджанских городов в Сефевидской империи особое место занимала Шамаха – центр Ширванского беглярбекства, – через которую проходили пути «из Индии в Сирию и Константинополь и во внутренние районы Персии» [21, 44]. По описанию побывавшего здесь в XVII в. русского купца Федота Котова, Шамаха была городом с сильно укрепленной цитаделью со значительными предместьями; здесь было 7 больших каменных караван-сараяв с подземными водопроводами [47, 10].

Шамаха, сильно пострадавшая от разорительных осmano-сефевидских войн, уже со второй четверти XVII в. была восстановлена и приобрела прежнее экономическое значение. Несмотря на сильнейшее разрушительное землетрясение в начале 1668 года Шамаха смогла оправиться и вновь стала одним из значительных торгово-ремесленных центров не только в Сефевидской империи, но и на всем Ближнем Востоке. Здесь велась оживленная торговля купцами из ближневосточных стран, России и

Западной Европы. Побывавшие в Шамахе путешественники, купцы, миссионеры и другие отмечали о наличие здесь базаров с караван-сараями. Об одном из них Адам Олеарий писал, что «в южной стороне города есть большой торг или базар с несколькими крутыми улицами, в которых персы имеют свои лавки со всякого рода товарами» [28, 554]. Лавки шамахинского базара были наполнены разнообразными пестрыми бумажными тканями, шелком, серебряной, золотой парчой и другими изделиями, пользующимися большим спросом. Так, в России особо ценились атласные ткани и так называемые в русских архивных документах «тафта Шамахейская» [4.1, л. 18].

Особое место Шамахи среди других городов Азербайджана определялось сосредоточением в городе торговли шелком-сырцом. По данным источников, из трех главных центров производства шелка-сырца в Каспийском регионе два находились в Северном Азербайджане – в Шамахе и Ареше [54, 9]. Ежегодное минимальное производство этого важнейшего сырья в Ширване составляло, примерно, 100-125 тыс. пудов [75, 143]. Как писал Корнели де Брюин, «Шемахинская губерния одна из самых значительных во всей Персии, губернаторы ее обогащаются легче всего и скорее всего благодаря громадным податям из окрестностей, производящих много шелка...» [21, 494]. Славившийся тонкостью и хорошим качеством ширванский шелк находил сбыт как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Наличие в Шамахе этого товара привлекало сюда купцов из многих стран, особенно из России, Индии, Турции, Англии, Голландии, которые, в свою очередь, привозили товары отечественного производства. Миссионеры отмечали, что Шамаха была «местом встреч всех коммерсантов торгующих в Моско-

вии, Швеции, Голландии и поэтому он всегда переполнен уезжающими и приезжающими иностранцами» [166, 78]. Заинтересованность стран Западной Европы в обеспечении растущего мануфактурного производства способствовало спросу на азербайджанский шелк-сырец. Пользуясь этим, турецкие купцы скупали его в огромном количестве и вывозили в Турцию, а оттуда в страны Западной Европы, выдавая за своё сырьё. Не случайно английский путешественник Дж.Форстер писал, что «долгое время думали, что шелк привозимый в Европу из Турции, производился в Оттоманской империи,¹⁵ но более глубокое изучение торговли Персии показывает, что турецкие купцы ездили в провинции Гилян и Ширван, оттуда они в большом количестве вывозили шелк, отправляя его затем на фабрики европейцев...» [43].

Путешественник Аврил Филипп также подчеркивал, что «во всей империи шаха нет такого места, в котором не встречалось бы большое количество иностранцев... бесконечное количество народов привлекает в Шамахе близость моря и хорошие качества страны» [6, 79].

Таким образом, Шамаха, являвшаяся в XVII в. одним из центров русско-восточной торговли, приобретает ещё большее значение и в транзитной торговле между Западом и Востоком. Побывавший в данном регионе миссионер, отмечая сосредоточение здесь русского купечества, называет Шамахе «складочным местом московитов¹⁶ в Персии» и отмечает, что «московиты, имеющие в Шемахе свой караван-сарай привозят сюда олово, медь, нефть, меха и другие товары» [166, 391]. О наличии здесь русского купечества отмечает и Аврил Филипп, указывающий, что на Каспийском море имеется большое количество «московитских судов, готовящихся к отплытию» [6,

79]. С русскими торговыми людьми встретился в Шамахе и монах Арсений Суханов, возвращавшийся в 1653 году из Палестины в Москву [41, 114]. О посещении русскими этого города свидетельствуют и многочисленные архивные документы Посольского приказа. Так, шамахинский беглярбек Юсуф-хан, обращаясь к русским послам, констатировал, что «... великого государя торговые люди приезжали в шах Аббасову область, а наперед сего приезжают в Шемаху и иные ездят по городам, а иные в Шамахе торгуют...» [4.10, л. 34].

Благодаря близости границ с Россией Азербайджан являлся посредником во взаимоотношениях Русской и Сефевидской держав. Русские послы, прибыв в Шамаху, должны были обязательно получить разрешение ширванского беглярбека на дальнейшее продвижение в глубь страны. Следует отметить, что русские послы не раз указывали на доброжелательное отношение к ним беглярбека. Так, русский посланник Степан Киприянов-Чириков, прибывший в Шамаху в 1679 году, писал, что в ожидании шахского указа «Шемахинский хан с двумя сыновьями приезжал к ним и они его подчивали и отпустили с честью» [4.46, л. 306]. Гостеприимство ширванских беглярбеков отмечали и западноевропейские послы. Венецианский посол Антоне де Фьяндра, будучи в Сефевидском государстве, посетил Шамаху, где его приняли «с величайшим почетом» [139, 8]. Естественно, что столь частое посещение Шамахи послами, купцами и путешественниками из различных стран возлагало на ширванских беглярбеков определенную ответственность во взаимоотношениях Сефевидской империи с другими странами и, в первую очередь, с Русским государством, с которым сами беглярбеки старались поддерживать самостоятельные

торговые отношения. В связи с этим нужно отметить покровительство, оказываемое ширванскими беглярбеками русским купцам, торговавшим в Шамахе. Так, Арсений Суханов писал, что «однажды, когда после ограбления шахских купцов терскими воеводами шах Аббас II приказал ширванскому беглярбеку наказать находившихся в то время в Шамахе русских купцов, беглярбек не только не исполнил его повеление, но в своем послании к шаху заявил, что «с русскими де людьми у меня вражды нету» [41, 116]. Данный факт не только подтверждает существование самостоятельных азербайджано-русских торговых связей, но и при определенных обстоятельствах констатирует неподчинение беглярбеков центральной власти.

Ширванский беглярбек, будучи одним из крупных купцов Сефевидской державы, самостоятельно или с шахскими купцами отправлял торговые караваны в Россию, подтверждением чему является архивный документ под названием «О приезде из Персии Шаховых и Шамахинского хана купчин», в котором дается подробный перечень и количество привозимых товаров [4.6; 4.12; 4.21]. Примечательно, что объём товарооборота ширванского беглярбека с Русским государством не уступал шахскому.

Любопытно отметить факт, что, отправляя в Русское государство купцов, шамахинский беглярбек наравне с шахом посылал царю подарки, которые обязательно фиксировались в Посольском приказе [4.9; 4.14]. Так как посылать дары царям имели право только правители государств, данный факт свидетельствует, что сложившиеся достаточно самостоятельные торговые отношения Ширвана с Русским государством ещё раз подтверждают номинальную зависимость ширванского беглярбека от центральной власти.

Шахские купцы получали в Русском государстве так называемые «проезжие грамоты», что давало им особые привилегии и право беспрепятственного передвижения по его территории. Интересно, что аналогичными привилегиями пользовались и купцы ширванского беглярбека. [4.37, л. 44; 4.39; 4.41, л. 9]. Не случайно, что в русских архивных документах ширванского беглярбека часто именовали «большим ханом» [4.47, л. 306]. В статейных списках русских послов неоднократно отмечается, что «... от шемахинских ханов никаких ссор николи¹⁷ не бывало» и что они всегда стремились «...к любви и дружбе, ссылаясь на древность дружественных отношений...» [4.29, л. 19].

Таким образом, Азербайджан в XVII в. занимал одно из ведущих мест среди входивших в состав обширной Сефевидской империи многочисленных областей, что прежде всего было связано с его выгодным географическим расположением, наличием природных богатств, развитием городов и т.д. Азербайджан, так же был связующим звеном и играл важную роль в установлении и развитии торговых и дипломатических взаимоотношений между Русской и Сефевидской державами.

Русские правители были заинтересованы в самостоятельных взаимосвязях непосредственно с Азербайджаном. Такое положение позволяет считать, что в изучаемый период по своему социально-экономическому, геостратегическому положению Азербайджан в системе Сефевидской империи занимал доминирующее место, и зависимость от центральной власти носила номинальный характер.

ГЛАВА II

АЗЕРБАЙДЖАН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVII ВЕКЕ

Определение места и значение Азербайджана в сефевидско-русских политических отношениях в XVII в. требует более глобального рассмотрения вопроса вкуче со сложившимся международным положением и некоторым хронологическим отступлением, ибо развернувшиеся в начале XVII в. события явились прямым продолжением политических переплетений конца XVI в.

Как было отмечено, к началу XVII в. политическая обстановка на Южном Кавказе была крайне напряженной. В результате осmano-сефевидской войны Турция почти полностью заняла северную часть Сефевидского государства, в том числе и важные прибрежные города – Баку, Дербенд и Ниязабад. Турецкое командование, ликвидировав административное деление страны на беглярбекства, ввело турецкую систему управления, разделив территорию Азербайджана на пашалыки (губернии) и санджаки (округа) [142, 41].

Сложившаяся ситуация в регионе не устраивала Россию, так как господство Турции в Азербайджане представляло не только серьезную угрозу южным границам,

но и осложняло взаимовыгодные торговые отношения её со странами Востока и закрывало путь русским купцам в Ширван. По словам П.Бушева, который рассматривает этот вопрос вне Азербайджана, в ракурсе только русско-иранских отношений, «захват турками Дербенда и Баку не только поставил под их контроль русско-иранскую торговлю, свел на нет значение Астрахани, как центра в торговле с Ираном и ханствами Средней Азии, но и привел к стратегическому охвату Московского государства с юга и юго-востока». [74, 57]. Более того, стремление Турции захватить Астрахань завершил бы процесс стратегического охвата Русского государства от Днестра до Каспийского моря. При расположении своих войск в прикаспийских областях Азербайджана, преимущественно на западном побережье Каспийского моря, османские султаны через азербайджанские земли облегчали себе наступление на другие территории Сефевидской империи с севера, что позволяло бы им так же контролировать весь Волжско-Каспийский путь. По справедливому замечанию И.П.Петрушевского, «одной из задач Турции на этот раз был захват Закавказья и западного побережья Каспийского моря отчасти для того, чтобы овладеть Волжско-Каспийским путем, превратившимся в важную артерию» [132, 269]. Османская империя стремилась перерезать Волжско-Каспийский путь, чтобы взять под контроль важнейшие отрезки и центры европейско-азиатской транзитной торговли. Одновременно правители Османской империи всячески стремились силой оружия воспрепятствовать отношениям России с Сефевидской державой в целом, с Южным Кавказом в частности. В архивных документах конца XVI в., где неоднократно встречаются сведения русских купцов и посланников об опасностях в

связи с военным временем, говорится: «...выехали из Баке турецкие люди многие на каторге и во многих сандалех с вогненным боем учили по бусе стрелять ис пушек и ис пищалей» [4.1, л. 277].

Потерпев поражение в войне с Османской империей и не имея достаточных военных сил, сефевидский шах Ходабенде (1576-1587) решил обратиться за военной помощью к Московскому государству. В этой связи был отправлен приближенный шаха Гади бек, который на аудиенции дал понять царю, что шах в обмен на помощь Москвы передаст «на вечное владение» России азербайджанские города – Дербенд и Баку с прибрежной полосой между ними. [4.1, л. 67]. Это заманчивое предложение, по словам И.П.Бушева, заинтересовало русские правящие круги, ибо «...московское государство не могло оставаться равнодушным свидетелем захвата турками западного побережья Каспийского моря, так как это создавало не только угрозу стратегического охвата с юго-востока, но и ущемления экономических связей Русского государства с народами Южного и Северного Кавказа, Ирана и Средней Азии» [78, 129]. Кроме того, добавим, что овладев Дербендом и Баку, являющимися хорошо укрепленными крепостями и естественными гаванями, Русское государство приблизилось бы и к другим не менее важным торговым центрам Азербайджана – Шамахе, Тебризу, Гяндже, Ардебилу, Арешу, которые, находясь на стыке транзитных путей Европы и Востока, были местом сосредоточения купечества из различных стран. Россия, таким путём, стремилась расширить рынки сбыта, прибрав к рукам богатый шелком-сырцом регион, тем более, что еще с давних времен Азербайджан был главным поставщиком в Россию помимо различных ремесленных изделий и таких

ценных культур, как шафран, рис, а также красильных веществ, нефти, драгоценных камней и пр. [154]. Кроме того, Баку и Дербенд стали бы для России своеобразным буфером во взаимоотношениях с Сефевидской и Османской империями.

Русский царь настолько заинтересовался предложением сефевидского шаха, что сразу же направил к нему ответное посольство во главе с Г.Б.Васильчиковым. Пока дипломаты находились в пути, в Сефевидском государстве произошел переворот – шаха Ходабенде сменил его сын – энергичный и дальновидный политик шах Аббас I (1587-1629). Однако, это не помешало Г.Б.Васильчикову выполнить свою миссию, уточнив предложения об уступке Баку, Дербенда и дальнейших переговорах с целью заключения военного соглашения против Османской империи [4.2, л. 109]. Поэтому, прибыв к шаху Аббасу I, Васильчиков напомнил ему, что его отец шах Ходабенде «... в своей грамоте и на словах через посла Гади бека в Москве обещал отдать эти города Московскому государству даже в том случае, если шахские войска сами отвоюют их у турок» [71, 100]. Однако, после долгих переговоров шах Аббас I дал понять русскому послу, что готов «уступить» названные города только в том случае, если они будут отвоеваны у турок с помощью русских войск. Относительно заключения военного союза против Турции шах Аббас I прямого ответа не дал. О сути этих переговоров П.Бушев писал, что «...шах Аббас не отвечая прямо на вопрос о заключении военного договора против Турции уступал Московскому государству два важных города, которыми он в то время не владел. Вопреки словесным заверениям в его грамоте ясно сказано, что завоевывать эти города русские должны

«своим счастьем», т.е. сами. Если же Дербенд и Баку заберут у турок шахские войска, то вопрос, надо полагать, останется открытым» [71, 113].

В действительности же дипломатический шаг шаха Аббаса I был направлен на столкновение двух держав, и посредством России ослабления своего главного военно-политического противника – Османской империи. Естественно, русское правительство, хорошо ориентировавшееся в международных перипетиях того времени, не пошло на эту провокацию. России не только не было выгодно военное столкновение с таким сильным противником, но и не было необходимости даже рисковать, так как при существовавшей на рубеже XVI-XVII вв. тяжелой внутренней и внешнеполитической обстановки она не была к этому готова. Поэтому русское Московское государство стремилось к осуществлению данного вопроса дипломатическими средствами, и его представители в шахском дворе нередко упоминали о военной помощи со стороны России, но по существу это не меняло сути дела.

Для решения вопроса «уступки» Русскому государству азербайджанских городов оба государства неоднократно обменивались посольствами. В 1594 г. к шаху Аббасу I было отправлено русское посольство во главе с князем А.Д. Звенигородским [10, 221; 71, 235]. Это совпало с периодом, когда шах, желая восстановить мощь государства и претворить в жизнь ряд реформ, вынужден был в 1590 г. заключить мир с Турцией на тяжелых для себя условиях. Почти весь Южный Кавказ, в том числе и Азербайджан, за исключением Талыша и колыбели Сефевидов – Ардебиля, признавался за Турцией [142, 140]. Приехав в Исфаган, Звенигородский вновь поднял вопрос о военной помощи Сефевидам и передаче России Баку и

Дербенда. Шах Аббас I просил русского посланника уговорить царя Федора Ивановича немедленно направить войско в Ширван [71, 258], добавляя, что если русские войска отвоюют у турок «для себя» Дербенд и Баку, он не будет возражать: «...а как бог поручит государю вашему в Ширванской земле (те) города и яз в те города вступаться не стану» [4.3, лл. 134, 135]. Сефевидский правитель явно провоцировал вторжение Московского государства в Ширван [71, 258].

Как видно, на рубеже XVI-XVII вв. Азербайджан находился в центре русско-сефевидских политических отношений. Любопытно, что правители Московского государства, желая «загрэбать жар чужими руками», стремились очистить весь Южный Кавказ с помощью сефевидов, которые, в свою очередь, придерживались в этом вопросе аналогичной позиции. Как показал дальнейший ход событий, шах Аббас I прибегал к дипломатическому маневру, чтобы не допустить утверждения Русского государства на западном побережье Каспийского моря.

В начале XVII века в Сефевидской империи наблюдается значительный подъём, что связано с именем шаха Аббаса I. Им была проведена реорганизация армии с помощью англичан братьев Ширли и укреплено внутреннее положение страны. Шах Аббас I, пользуясь тяжелым внутривнутриполитическим состоянием Турции, ослабленной внутренними междоусобиями и восстаниями, начал в 1603 году войну против неё. Впервые за столетие сефевиды наступали, а не оборонялись. Шах Аббас I вновь решил заручиться поддержкой русского царя и, как явствует из источника, изъявил готовность заключить с Борисом Годуновым тесный союз, прислав ему в августе 1603 года «... в знак особенной благодарности и любви к своему

брату Московскому с вельможею Лачин беком златый трон древних государей персидских» [18, 35; 30, т. II, 159-161]. О цели данного посольства говорилось в наказе Лачин беку, что «...прислал его шах к царскому величеству многие свои любительные поминки.¹⁸ А для чести царского величества прислал к великому государю нашему место прежних Великих государей Персидских» [10, 272, 273]. Русский царь хотя и принял подарок от шаха Аббаса I, однако не был уверен в его искренности. Не дожидаясь возвращения своих посланников из Москвы и трезво оценив внешнеполитическую обстановку, шах Аббас I начал успешные военные действия против турецких войск.

Царское же правительство в создавшейся внешнеполитической обстановке решило обеспечить безопасность южных границ России, используя дагестанских правителей, чьи владения, с одной стороны, непосредственно граничили с Ширваном, а с другой – с Русским государством. Именно поэтому в разгар осmano-сефевидской войны царь, чтобы лишить турецкое командование поддержки со стороны местных феодальных правителей, отправил в Дагестан русские войска во главе с воеводами¹⁹ Бутурлиным и Плещеевым. Поход русских войск в Дагестан следует связать с возобновлением шахом Аббасом I войны с Османской империей за Южный Кавказ и стремлением в связи с этим русского правительства вновь начать переговоры с шахом об уступке Дербенда, Баку и даже Шамахи [115, 35].

Менее чем за четыре года Сефевидам удалось вернуть все потерянные азербайджанские города и области. Этому в значительной степени способствовали антиосманские выступления в азербайджанских городах Тебри-

зе, Ордубаде, Дербенде, Баку и других. Османская империя, потерпев поражение в этой войне, вынуждена была просить о перемирии. В 1612 г. в Стамбуле между Сефевидской и Османской империями был подписан мирный договор, по условиям которого Турция вывела свои войска из Южного Кавказа, в том числе из Азербайджана, где была упразднена турецкая система управления и восстановлено прежнее административное деление на беглярбекства: Ширванское с центром в Шамахе, Гарабахское с центром в Гяндже, Тебризское – в Тебризе и Чухур-Саадское – в Иране.

Учитывая важность географического и стратегического значения азербайджанских беглярбекств, сефевидские шахи размещали в них регулярные шахские войска.

Особые надежды в этот период шахи связывали с Ширванским беглярбекством, являвшимся своего рода мостом между Сефевидским и Русским государствами. Сам шах Аббас I в зависимости от сложившейся политической ситуации часто посещал Ширван и временами останавливался в Шамахе, о чём свидетельствуют архитектурные сооружения с его именем. Так, во многих азербайджанских городах мечетям, караван-сараям и даже городским воротам давали название «Шах Аббас» (ворота шах Аббаса, мечеть шах Аббаса и др.). Относительно долгое пребывание шаха Аббаса I в Ширване нашло своё отражение и в официальных обращениях русских царей, где в письмах его титуловали как «правителя Персии и Ширвана» [4.3, л. 268].

После Стамбульского мирного договора 1612 г. шах Аббас I начал активную политику в отношении Дагестана и особенно Грузии, стремясь подчинить восставшую Кахетию. В 1615 г. он направил в Грузию многочис-

ленное войско, после чего в Кахетии было уничтожено около 100 тыс. человек [124, 183]. В это время шах Аббас I, стремясь лично командовать войсками, временно обосновался в Шамахе, откуда направил гонцов к правителям Дагестана и Северного Кавказа с требованием повиновения. Положение этих феодальных правителей было крайне тяжелым: с одной стороны, это требование покорности русскому царю, а с другой – сефевидскому шаху. Большинство мелких правителей Северного Кавказа, будучи не в состоянии отразить давление обеих держав и сохранить свою независимость, лавировали между ними, присягая в верности, как русскому царю, так и сефевидскому шаху. Весьма образно об этом говорится в работе И.Попко, который сообщает, что у одного дагестанского феодала – шамхала была печать наподобие «... двухсоставного кубка, воспетого в «Илиаде» Гомера: из одной половины возлили богам, а из другой пили за собственное здоровье; так и на шамхаловой печати – на одной стороне была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой – московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому, куда писал в Шемаху или в Астрахань» [138, 57].

Международная обстановка в это время была не в пользу России, которая, находясь в военных отношениях с Польшей и Швецией на западе и с Крымом на юге, отнюдь не желала обострять ещё и отношения с Сефевидами. Восстановление разоренного в результате польско-шведской интервенции хозяйства, требовало больших материальных затрат. В связи с этим, правящие круги России возлагали большие надежды на торговлю с прикаспийскими странами, в особенности с Азербайджаном.

После отвоевания Сефевидами у Османской империи территории Азербайджана русское правительство в 1614 г. отправило в Исфаган специальное посольство во главе с С.Тихоновым, который по прибытии объявил шаху о намерении своего правительства восстановить прерванные осmano-сефевидскими войнами дружественные отношения. Сефевидский правитель, в не меньшей степени заинтересованный в этом, предложил России военную и материальную помощь, прося взамен построить на реке Койсу²⁰ крепость и поместить там русский гарнизон, который преграждал бы путь войскам крымского хана на Северный Кавказ, а оттуда на Азербайджан. Этот вопрос был поднят также направленным ранее в Москву шахским посланником Булат беком, который на приёме у русских бояр уверял их в дружбе шаха и передал его тайное поручение о том, что: «... меж бы их государь и земля иново государя в соседстве не было, а города б государю и шаху поставить по старым местам, наперед сего ж в кумыцкой и кабардинской земле и на Сунже²¹ и на Койсу...» [10, т. III, 351, 353]. Это был испытанный дипломатический приём, когда высказывалось желание таким образом сблизить границы Русского и Сефевидского государств, «чтобы между ними не было территории чужих государств», за что шах обещал даже уступить Шамаху [10, т. III, 352].

В связи с предпринятым новым наступлением Турции и Крымского ханства весной 1615-1616 года Сефевидские правители понимали, что обезопасить свои северные границы они могли бы только с помощью Русского государства, который, построив там крепости, воспрепятствовал бы туркам идти «войной на земли шаха через Койсу да на Терку да на Сунжу» [150, 85].

Однако внешнеполитическое положение Московского государства не позволяло предпринимать подобные шаги, о чём красноречиво свидетельствуют наказы русским послам в Сефевидское государство, которые должны были сослаться на войну с Польшей, требовавшей от России огромных денежных средств на содержание войска, закупку за границей оружия, пороха, металлов. Поэтому послы Леонтьев (1616), а позднее и Барятинский (1618) добивались от сефевидского шаха лишь получения для России денежного займа.

Возвратившись в конце 1617 г. из Сефевидской империи, Леонтьев привёз от шаха «легкую казну, серебра в слитках на 7000 рублей» [150, 85], что совершенно не устраивало русского царя. В мае следующего года в Сефевидское государство вновь было направлено посольство во главе с князем Барятинским, основной целью которого было получение более крупной денежной субсидии. «... Уж не малое время войну ведём с недругом нашим и разорителем московского государства... с польским королём, оставя всякие наши дела», – писал царь Михаил Фёдорович шаху Аббасу I [10, т. III, 310]. В ходе переговоров шах обещал дать заём при условии, что царь велит «на Койсе и в Тарках поставить города и людей посадить», обещая при этом снабжать их провиантом [4.58, лл. 35 об, 120 об.].

Особенно остро для Сефевидов вопрос о скорейшем перекрытии дороги через Северный Кавказ встал в связи с наступлением Турции в 1617 г. Хотя решение этого вопроса предполагало дальнейшее ухудшение отношений России с Турцией, однако Москва, более заинтересованная в укреплении связей с Сефевидским государством, удовлетворила просьбу шаха, тем более, что преоблада-

ние Турции в регионе Каспия и на Северном Кавказе в корне противоречило интересам России, так как наносило ущерб торговле русских купцов через Астрахань с прикаспийскими провинциями, особенно с Азербайджаном. Более того, основной товар шёлк-сырец, который ранее доставлялся в Европу через Астрахань и Архангельск, должен был бы тогда поступать через Смирну и Алеппо, что полностью привело бы к упадку торговли Русского государства как с Сефевидами, так и с Западной Европой. Как видно, политика Турции утвердиться на Северном Кавказе и в бассейне Каспийского моря непосредственно затрагивала интересы не только Сефевидской державы, но и России, стремившейся расширить сферу своего влияния на юге и укрепить экономические и политические позиции в этом регионе.

Выдвинутые в скором времени Московским государством передовые военные посты на Сунже и Койсу дали возможность русским властям контролировать северо-кавказский путь, ведущий в Азербайджан. Терский городок²² и Сунженский острог, поддерживавшие постоянные связи с Кахетией, Кабардой и Аварией, стали надёжным стратегическим и политическим оплотом Русского государства в этом регионе. Ибо закрывали проход турецким войскам и крымско-татарской коннице к северным границам Сефевидской империи, что было важно для последней, так как эти крепости преграждали проход Турции в тыл шахской армии. В то же время дальновидный шах Аббас I понимал, что политика русских правителей на Кавказе имела далеко идущие планы, а проникновение русского влияния в регион Каспийского моря в корне противоречило интересам его государства. Однако первоочередная задача шаха Аббаса I на данный период –

постройка русскими властями крепостей на Северном Кавказе для сдерживания агрессивных намерений Османской империи – была решена.

Как только позиции последней в этом регионе были значительно ослаблены, Сефевиды не пожелали терпеть конкурентов на Северном и Южном Кавказе, и особенно, в Азербайджане. Наглядно это проявилось после завершения в 1639 г. османо-сефевидских войн, когда сефевидские правители стремились к полному и безраздельному господству в своих прежних владениях, особенно по всему региону Каспийского моря.

В целях претворения в жизнь своей политики на Кавказе шахи всячески старались привлечь на свою сторону местных феодальных правителей, видя в них определенную опору. Примечательно, что если предшественник шаха Аббаса II Сефи I (1629-1642) не придавал значения связям дагестанских владетелей с Русским государством, то шах Аббас II (1642-1667) категорически запретил своим «вассалам» поддерживать какие-либо отношения с Москвой [144, 78].

Правители Русского государства, стремившиеся в этот период любой ценой поддерживать дружественные отношения с Сефевидской империей, закрывали глаза на подобные действия шаха Аббаса II. Занятая в течение первой половины XVII в. западными проблемами, Россия остро нуждалась в средствах, часть из которых поступала в казну от торговли с прикаспийскими областями. Многочисленные архивные документы этого периода подтверждают наличие оживленной торговли между Русским и Сефевидским державами, центр которой был сосредоточен в Ширване. Эти материалы также дают основание констатировать, что каспийская торговля в изучаемый

период занимала одно из главных мест в бюджете обоих государств, особенно России, что и предопределило ее политическую линию в данном регионе [5; 20; 32].

По вопросу каспийской торговли обращает внимание представленный голштинским послом Бругеманом план, в котором предусматривалось занятие Русским государством прикаспийских областей [4.15, ч. I]. В 1634 г. голштинское посольство в Москве во главе с Филиппом Крузиусом и его помощником Отто Бругеманом заключило договор с царём о десятилетней транзитной торговле через Москву между голштинской компанией и Сефевидским государством. По условиям договора, Голштиния²³ освобождалась от уплаты транзитной пошлины в русскую казну за провоз из Сефевидского государства через территорию России шёлка-сырца, уплачивая лишь по договору ежегодно, независимо от количества товара, 300 тыс. рублей [4.2а, л. 52].

В 1636 г. голштинское посольство отправилось в Исфаган, где Бругеман получил от шаха разрешение на покупку и вывоз шёлка-сырца. Но, возвращаясь с русским послом Романчуковым в Москву, он в беседе с ним понял, что договор этот абсолютно не выгоден Голштинии, так как «транзит, уплата значительной суммы в царскую казну и другие расходы не могли покрыть всю прибыль от шёлка» [4.13, л. 18]. Бругеман решил на более провокационный план, всячески пытаясь столкнуть интересы двух государств. По пути в Москву он внушал русскому посланнику, что в Шамахе с царскими купцами обращаются бесцеремонно, и якобы, он был очевидцем, как здесь шахский купец бил царского купца, «поволочая... по гостиному двору», считая, что притесняя русских купцов «персы для своей корысти продают, в железо сажают и на

праве же бьют и товары на себя даром емлют»²⁴ [89, 6]. В то же время в разговоре с Романчуковым Бругеман, объективно оценивая ситуацию, высказал опасения шаха потерять прикаспийские земли, т.е. Азербайджан. Он говорил: «шах Аббас почитал великого государя послов посланников, и всяких подданных людей, с мудрого рассуждения, опасаясь великого государя, чтобы он не завладел землями вокруг Каспийского моря» [89, 8], разъясняя при этом русскому посланнику, что в случае осуществления плана захвата Россией прикаспийских областей, купеческая компания Голштинии воспользуется и сможет приобретать более дешёвый шёлк-сырец, но уже в обход сефевидского шаха. Раскрывая суть данного плана, Бругеман говорил Романчукову, что царю ничего не стоит «...прилежащие земли к Хвалынскому морю²⁵ не великими людьми завладети по их неурядству и нестроению, (потому) что у них никакого промыслу по оборони не будет... ратному делу нет у них никакого строения... право де говорю прямою правдою и добрым рассуждением... (что) больше 4000 солдат немецких не надобно, да русских воинских людей сколько великий государь... произволит... а у великого государя много таких великих друзей, про которых его царскому величеству неизвестно» [4.13, л. 58]. Провоцируя на захват прикаспийских областей, который позволил бы Русскому государству господствовать на Каспийском море, Бругеман говорил, что «русскому царю будет честно... и похвально писать в титуле своём ... государь и обладатель Хвалынского моря» [4.13, л. 58]. Таким образом, согласно этому плану, Россия при вооруженной и денежной поддержке Голштинии, а также других европейских стран – Англии, Франции, Дании и Испании должна была занять все прибрежные

области Каспийского моря, что сулило русской казне колоссальные доходы. Бругеман надеялся, что таким образом Голштиния получит свои определенные дивиденды, а Россия сосредоточит в своих руках почти всю шелковую торговлю по Каспийскому морю, свободно продавая шёлк-сырец на внутреннем рынке и монопольно снабжая им Западную Европу.

Однако, предложенный Бругеманом авантюрный план не вызвал энтузиазма в русских деловых кругах. Внимание царя все ещё было сосредоточено на войне с Польшей и Швецией на западе, и с Крымом на юге. Кроме того, Россия, находившаяся в добрососедских отношениях с Сефевидской державой, даже рассчитывала на нее как на союзника в борьбе с Османской империей. Вместе с тем, истощенная войной на западе и на юге Россия не в состоянии была усмирить народные волнения внутри страны, в районах Дона и Астрахани, где казаки, воспользовавшись занятостью центральной власти внешнеполитическими вопросами, занимались грабежами и нападали на поместья и торговые караваны.

В этом отношении наибольшую активность проявляли яицкие казаки, наносившие большой урон торговле в этом регионе. По словам исследователя Е.Кушевой, они часто предпринимали морские походы на побережье Каспийского моря и грабили туркменские, хивинские и персидские владения [113, 274]. Азербайджанский историограф XVII в. Искендер Мюнши, отмечая ряд случаев нападения казаков на Азербайджан, в частности в 1631-1632 гг. на город Баку пишет, что население «от набегов того племени неоднократно претерпевало урон и убытки, их имущество подвергалось грабежу» [142, 100]. Характеризуя действия казаков, Искендер Мюнши пишет, что «от-

ряд смутьянов из русов, находясь все время на берегах Каспийского моря выжидает случая, когда потерпит крушение на море какой-нибудь корабль, и выбросит на берег гонимые морскими волнами и непрерывными штормами его обломки с остатками утонувшего имущества, чтобы завладеть ими, или же, убив уцелевшего от кораблекрушения человека из числа хозяев утонувшего имущества присвоить его одеяния». По данным Искендера Мюнши, казаков, занимавшихся грабежом, насчитывалось до 700 человек. В подтверждение он говорит о сильном шторме, когда сами казаки потерпели крушение, и «случайные волны погнали часть их в количестве около 300 человек в сторону Бадкубе»²⁶ [143, 102]. Шахское правительство в ответ направило протест, а затем специальное посольство в Москву во главе с Али-беком, который от имени шаха просил унять казаков. Уверяя Али бека в своей дружбе с шахом и жалуясь на самовольность казаков, царь, обозвав их ворами и разбойниками, обещал послать указ воеводам, «... дабы те били этих ослушников без пощады» [127, 122].

Однако походы казаков на Каспийское море не прекращались и, как явствует из одного официального документа— в 1647 г. отряды донских казаков недалеко от Баку напали на купца из Фарабата²⁷ Аджи Бакея, который «...приходил в Баку по нефти, и у него те казаки взяли денег и товаров на шесть или семьсот тюменей, а самого Бакея отдали на откуп, взяв сто тридцать тюменей» [38, т. III, 570]. Очень интересные данные об этом приводит исследователь Е.С.Зевакин, который, ссылаясь на архивные материалы, пишет, что «года два до этого (казаки) разграбили бусу одного гиянца Аджи Бакеева, отняли у него товаров на 600-700 туманов (около 6-7 тыс. руб.) от-

везли на Терек, а терские князья, взяв деньги, отпустили» [87, 24]. Сведения о том, что терские князья, взяв деньги отпустили казаков, наталкивает на мысль, что в данном случае в грабежах были замешаны и терские воеводы. Так или иначе грабежи в районе прикаспийских областей привели к дипломатическим осложнениям Сефевидского государства с Россией.

В связи с участвовавшими казачьими разбоями ширванский беглярбек Хосров хан вынужден был в 1647 и в 1649 гг. направить несколько писем астраханским воеводам, в которых, перечисляя ограбленные у него товары, требовал возмещения убытков, при этом, угрожая наказать их за случившееся. Как видно из архивного документа, требования Хосрова хана в некоторой мере были связаны с тем, что казаки, грабившие тезиков,²⁸ говорили, что якобы их «...посылали астраханские князья и дали стрельцов и пушки...» [4.19, л. 7]. Разбои казаков наносили ощутимый урон торговле Ширвана, поэтому Хосров хан вынужден был перейти к угрозам, и в одном из его писем говорилось, что «в один месяц Терский город и Астрахань с черною землею сравнять умели бы» [4.19, л. 8]. По всей вероятности, астраханские и терские воеводы, заинтересованные в этих разбоях, не отреагировали на послания, потому что Хосров хан направил русским властям ещё одно, полное угроз письмо, в котором писал: «...все Ширванскую Адырбайджанскую и Дагестанскую рать взяв пойдём на Терек и в Астрахани города поделаем и кызылбашев посадим чтоб казаков вывести» [4.19, л. 2]. В этой связи по указанию шаха Аббаса II Хосров хан Ширванский (1649-1667) созвал в Шамахе совещание, куда пригласил тех беглярбеков, чьи войска должны были участвовать в предполагаемом походе, а

также некоторых дагестанских правителей, изъявивших готовность участвовать в походе.

В свою очередь, чтобы укрепиться на Кавказе, Русское государство так же стремилось привлечь на свою сторону дагестанских владетелей. Поэтому царь Алексей Михайлович в это же время пригласил в Москву ряд дагестанских правителей для дачи присяги в верности. Терские воеводы послали царский указ Шамхалу Сурхай хану и уцмию Кайтакскому Амирхан Султану, которые однако отказались ехать в Москву, ссылаясь на то, что «к ним написано ис Кызылбаш и велено ехать по шах Аббасову делу в Шемаху на съезд к ханам и салтанам для его шах Аббасова дела...» [4.1, л. 9], показывая этим свою приверженность к сефевидскому шаху.

Пока Хосров хан готовился к походу, с севера продолжали поступать вести, противоречащие интересам Сефевидов. Россия же, всячески стремясь добиться расположения дагестанских правителей, продолжала строить все новые крепости в районе реки Терека [142, 104]. Кроме того, в 1635 и 1641 гг. кахетинский царь Теймураз (1634-1663) обращался к царю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии его в русское подданство и оказании военной помощи в борьбе против шаха Аббаса II [70, 938; 124, 132], который во время похода на Грузию «...ограбил и истребил многих непокорных» [26, 69]. По указу шаха Аббаса II Кахетия была разделена на две части, из которых восточная была передана правителю Гарабахского беглярбекства Пейкар хану [124, 55].

Бежавший в Имеретию от сефевидских войск правитель Кахетии Теймураз активно поддерживал дипломатические шаги Русского государства на Южном Кавказе. В 1652 г. он послал своего внука Ираклия с матерью в

Москву просить у русского царя о военной помощи с целью возвращения Кахетинского царства, а также о необходимости постройки новых сторожевых крепостей на Северном Кавказе в районе Койсу, что, по словам иранского историка XVII в. Мухаммеда Тахир Вахида, перекрывало бы путь для сношений черкесов с Сефевидами и намного облегчило бы оказание помощи грузинам Русским государством [66, 99].

Одновременно с Северного Кавказа и Дагестана поступали вести об активизации здесь деятельности Османской империи, что побудило Хосров хана Ширванского ускорить подготовку похода в данный регион. Используя религиозный фактор – суннизм, Турция стремилась направить горские народы против Сефевидов. По словам А.Бакиханова, «турецкий султан Мурад, желая взволновать горцев против Персии, вошёл в сношение с Рустам ханом, уцмием кайтакским и своим влиянием старался возвысить его...» [66, 99]. Политика турецких правящих кругов на Северном Кавказе и в Дагестане была направлена одновременно и против России.

Пока в Исфагане намечались планы борьбы против вмешательства Османской империи в южнокавказские дела, Русскому государству удалось ликвидировать угрозу и укрепить свои позиции в указанном регионе. Между тем продолжались казачьи разбои и притеснения шамахинских купцов, у которых были конфискованы товары, в связи с чем Хосров хан в очередном письме на имя русских воевод угрожал ответной конфискацией товаров у русских купцов в Шамахе [4.19; 4.22]. По-видимому, Хосров хан выполнил своё обещание, ибо спустя год, 8 июля 1651 года астраханский воевода Пронский направил терскому воеводе М.И.Шетнину отписку со словами

«...действительно ли Шемахинский хан задержал государственных купцов» [1.3]. Русские власти потребовали от шаха сурово наказать Хосров хана Ширванского за его столь дерзкое обращение с русскими подданными, однако шах оставил эту жалобу без внимания.

По всей вероятности, бесчинства казаков и северокавказских воевод по отношению к шамахинским купцам продолжались, ибо спустя два года Хосров хан направил в Астрахань ещё две грамоты с угрозой «пуще прежнего» [4.17; 4.22]. В 1650 г. гребенские и терские казаки ограбили караван шамахинцев, в том числе товары самого беглярбека Хосров хана Ширванского. В 1651 г. он вновь отправил своего посланника Гусейн бека с требованием разыскать и вернуть ограбленные товары [1, 3]. Хотя Гусейн бек был принят в г. Терки с почестями, которые оказывали лишь официальным посланникам, выделяя им «поденный²⁹ корм и питья», товары все же не были возвращены [1, 4]. Хосров хану пришлось вторично направить в г. Терки и Астрахань посланника Гусейн бека уже с требованием компенсации убытков. Посланник передал астраханским воеводам грамоту ширванского беглярбека о том, что шах велел из всех городов «... с Чухур-Саата и из Карабаха и из Ардебиля и из Гилянского уезду всем ханам собраться в Ширван притти и ширванские пушки взяв со всяким надобным заводом как мочно город взять под Астрахань и под Терек идти не мешкав...» [87, 25]. Одновременно, Хосров хан предупреждал, что если воеводы возвратят ограбленный товар, то «конфликт будет улажен». Однако возмещение убытков не последовало, и назревала опасность вооруженного конфликта.

Как известно, в изучаемый период некоторые дагестанские и северокавказские владетели стали лавировать

между Москвой и Сефевидской империей. И если сефевидские шахи Аббас I и Сефи I, как было указано выше, более или менее мирились с этим поведением горских правителей, получавших «утверждение» и жалование как от сефевидского шаха, так и от русского царя, то шах Аббас II решил покончить с этим. Несмотря на то, что ему удалось добиться признания своей верховной власти многими дагестанскими правителями, он решил овладеть ещё и важнейшими стратегическими пунктами и торговыми путями на Северном Кавказе.

В свою очередь, русские власти, стремившиеся так же укрепить свои позиции на Северном Кавказе, не могли не реагировать на действия шаха Аббаса II в регионе. Поэтому русским правительством было решено построить на реке Сунже, кроме городка ещё и обособленный острог, как форпост на пути вражеских войск на Северном Кавказе [115, 320], что весьма обеспокоило ширванского беглярбека и некоторых дагестанских владетелей. В начале 1651 г. Хосров хан Ширванский в письме к терским воеводам выразил свой протест против постройки крепостей стратегического значения. Не дождавшись ответа, Хосров хан от имени шаха велел подвластным феодалам собраться в Дербенде для подготовки к походу на Сунжу, куда позднее направился со своим войском. Как явствует из архивного документа, один из феодальных владетелей кумыцкий Мурза Чопалов предупредил своего друга князя Муцала Сунчелеевича Черкасского, находившегося в Сунженском остроге о готовившемся на него нападении. В отправленном к нему письме в частности говорилось, что «... ныне с ханом кызылбашская рать уйдет, готов будь» [4.55, л. 187].

В это время Хосров хан, отдал приказ ширванским и дагестанским войскам отправляться на Северный Кавказ для ликвидации русских военных постов. Вступившие на территорию Северного Кавказа объединенные войска ширванцев и дагестанцев, выполняя приказ, устроили в районе Терека полный разбой. Данное событие с мельчайшими подробностями нашло своё отражение в архивном документе – в челобитной³⁰ владетеля этих мест князя Муцала Сунчелеевича Черкасского в Астраханскую приказную палату [4.55, лл. 121-122]. Кстати, Е.Зевакин, приводя идентичные факты из другого архивного материала, пишет, что тарковский шамхал, изменяя России «...приходил войною под Суншинский городок и под Барагуны и на князя Муцалова улусы Черкасского. А к тому государеву изменнику к тарковскому шевкалу прислано было ратных людей³¹ из Шемахи 500 человек, да из Дербени 300 человек, а с ним и 2 пушки» [87, 25].

Командующий объединёнными войсками сефевидского шаха шамхал Сурхай хан после погрома в районе Сунжи велел передать защитникам острога покинуть крепость. Об этом Муцал Сунчелеевич Черкасский в челобитной в Астраханскую приказную палату писал: «...приказали, что б мне за тот твой государев Суншинский острог не стоять, и с ними не битца, и тот твой государев Суншинский острог покинуть, и идти бы назад за Терек реку» [58, 25]. Несмотря на угрозы, защитники Сунжинского острога решили не сдаваться и «стоять крепко и битца с ними досмерти» [87, 25]. При первой же вылазке из крепости авангард объединенных войск в панике отступил «за Суншу реку без боя». О результатах первой стычки Муцал в вышеупомянутом письме сообщал, что «... и я, холоп твой, за ними посылал в погоню

до Сунши реки твоих государевых служилых людей и казаков, и уздений своих, и барагунцев, и тех кумытцких людей самих и лошадей под ними на перелазе, и твоим государевым счастьем Суншинский острог от тех кумытцких и кызылбашских ратных людей отстояли» [4.55, л. 124]. Окрыленные успехом сунжинский гарнизон начал преследовать войска Сурхай хана, которые, опасаясь открытого боя, оставили свои позиции «... в ночи побежали к андреевской деревне и к Аксаю реке» [4.55, л.125]. Дело дошло до того, что после отступления, как записано в архивном документе, «... кумытцкая и кызылбашская рать разошлася розно» [4.55, л. 125].

Отступление сефевидских войск под командованием Сурхай хана вызвало гнев и шаха Аббаса II, и Хосров хана Ширванского. Сурхай хану было приказано вновь собрать войско для уничтожения Сунжинского острога. Вскоре под его командованием была собрана двадцатитысячная армия, в числе которой было 2350 шамахинцев. Узнав о надвигающейся опасности с юга, астраханский воевода И.Пронский отправил с посланником письмо на имя Хосров хана Ширванского. В одном из архивных документов упоминается об этом письме, но ничего не говорится о его содержании. Данное письмо не дошло до Хосров хана, так как люди Сурхай хана, задержав русских посланников, отобрали его и передали своему командующему. «А который де лист, – говорится в архивном документе, – послан от них (астраханских воевод – Г.С.) к Шемахинскому Хусрев хану и тот де лист Тарковской Суркай шевкал взял к себе. А ему Микифору сказал, что он тот лист пошлёт к хану с узденем»³² [4.55, л. 249]. Однако Сурхай хан не отправил письмо Хосров хану и, оставив русских посланников в качестве пленных, про-

должил поход в сторону Сунжи. В архивном документе по этому поводу говорится, что в марте 1652 г. «... Сурхай-шевкал со всеми кумыцкими и кызылбашскими ратными людьми пришёл к Сунже реке и зделали через реку три моста и, Сунжу реку перешев стали в барагунских кабаках близко Суншинского острогу. А он, Ондреевский де Казаналп-мурза, со своими ратными людьми стал возле Сунши реки на кумыцкой стороне против острогу. И к Суншинскому острогу кумыцкие и кызылбашские люди приступали жестокими приступами» [4.55, л. 249]. Осадив крепость, объединенные войска сефевидов и дагестанских владетелей пять дней подряд непрерывно атаковали ее, пытаясь взять штурмом. «Кумыцкие и кызылбашские ратные люди, – пишет современник, – пришли под государев Суншинский острог и 5 дней вся дни и ночи брали жестоким приступом» [4.55, л. 249]. Осаждённые выдержали наступление, даже начали стрелять из пушек «... кумыцких и кызылбашских ратных людей человек з 200 и больше побили» [4.55, л. 252].

Убедившись, что им не взять крепость приступом, Сурхай хан приказал срубить деревья, сложить у стен острога и, облив нефтью, зажечь. Узнав о намерении Сурхай хана, некоторые северокавказские правители, находившиеся в это время в Сунжинском остроге, испугавшись, перешли на его сторону. В архивном документе по этому поводу говорится, что «барагунский Ильдар Мурза и другие феодальные правители со всеми людьми, сидя в осаде в государеве Суншинском остроге, от кумыцких и кызылбашских ратных людей вида жестокий приступ, учили государю изменить, умысля³³ переславая³⁴ в кумыцкую и кызылбашскую рать...» [4.55, л. 252]. После перехода их в противоположный лагерь в Сунженском ост-

роге остались лишь Шангирей – Мирза, сотник Михайло Молчанов и глава русских стрельцов Иван Яцын со своим отрядом, которые, выдержав осаду ещё две недели, вынуждены были отступить [4.55, л. 268]. Об их отступлении в архивном документе записано: «видя, что от кумыцких и кызылбашских ратных людей в государстве Сунжинском остроге будет сидеть и в мочь, что стало в том Суншинском остроге малоллюдно, и они, Шангирей-Мурза, и голова стрелецкой Иван Яцын, и сотник Михайло Молчанов с стрельцами с казаками, забрав у государева Суншинского острогу государевы пушки и зелье и свинец и колокола, вышли и приехали в Терский [4.55, л. 269]. Люди Сурхая, перекрыв воду, поступающую в крепость, сожгли деревянные стены острога. Как сообщается в источнике «... острог кумыцкие люди выжгли местами, а не все...» [4.55, л. 316].

После одержанной победы Сурхай хан шамхал посылал «... от себя в Дербень к Шемахинскому Хусрев хану и к иным ханам, что бы де они на помощь с ратными людьми шли не мешкая к нему» [4.55, л. 316]. Но в ответ Хосров хан приказал Сурхаю явиться к нему в Дербенд, где он стоял с многочисленным войском, объявив, «что шах велел ему и другим семи ханам вместе с дагестанцами идти на Терек и в Астрахань и они уже наготове» [90, 26]. Это подтверждается данными и из других источников. Так вышеупомянутый Микифор Прокофьев, находясь в это время в Терском городке, сообщал: «... пришли кызылбашских 7 ханов в Дербени, а из Дербени будут в Терки со многими ратными людьми, и хотят стоять на Аксае реке» [90, 26]. Как явствует из архивного документа, который является дополнением к вышесказанным фактам, 30 апреля 1653 г. в Терский город из Дербенда

возвратился «... жилец тезик Минятка и сказал, что видел там Хосров хана со многими кызылбашскими ратными людьми, да с ним же Кенжинский хан да из иных да Шаховых городов три султана, с ратными же людьми» [125, 17]. Как свидетельствуют архивные документы, войска были мобилизованы в основном из азербайджанских беглярбекств – «Гянджи, Барды, Эривани, Ардебиля и Тавриза и 10-ю султанами из разных городов» [4.29, л. 26]. Ни одна из сторон не решалась идти в наступление, поэтому шла своего рода тактическая игра. Хосров хан распространил слух, «будто он прибыл в Дербенд... по шахову указу, идти де ему Хосров хану со всеми кызылбашскими и с кумыцкими ратными людьми под Терский город просить грузинского царевича с матерью» [125, 174]. В том же 1653 г. из Терки был послан к ширванскому беглярбеку гонец Борисов с извещением о намерении царя отправить послов к шаху Аббасу II [4.29, лл. 27-29]. Эти сведения подтверждаются и сообщениями очевидца Арсения Суханова, встретившегося с Хосров ханом в Дербенде [41, 114]. Отпуская гонца, ширванский беглярбек в целях урегулирования отношений велел передать царю, чтобы он прислал послов «не мешкая, что б меж великих государей большой ссоры не учинилось» [4.29, 28]. Кроме того, Хосров хан через своего гонца купца Мамед Али передал терским воеводам, что будет стоять в Дербенде, пока не придут царские послы. Русскому государству нежелательно было раздувать начавшийся пограничный конфликт, и царь, предварительно направив в Сефевидское государство гонца Клементия Иевлева с грамотой, сообщал, что в Исфаган к шаху Аббасу II был отправлен великий посол – известный дипломат Лобанов-Ростовский. Гонцу Иевлеву также было поручено тайно

разведать о создавшемся положении в Сефевидском государстве и прощупать почву для успешного ведения переговоров [4.30, л. 75].

Когда Иевлев прибыл в Сефевидское государство, положение было неблагоприятным, так как шах Аббас II был осведомлен о предполагавшейся поездке грузинского царевича Ираклия в Россию, и Хосров хан с войском в Дербенде под предлогом задержки там царевича ожидал приказа шаха о наступлении на Терки [4.30, лл. 22-24, лл. 41-43]. В архивном документе по этому поводу говорится, что «... пришли в Дербень 8 ханов с кызылбашскими ратными людьми, а идут де те ханы с войсками людьми к Аксаю-реке, и на той де им реке стоять, а от себя посылать в Терский город просить грузинского царевича и царицу, чтоб им ево ис Терского города отдать. А будет де ис Терского города того царевича и царицы им, ханом не выдадут, и они де пойдут на Терский город войною, а велено де им ханом, под Терский город идти для царевича и царицы по шахову указу» [4.29, лл. 22-24]. Однако поход туда не состоялся. Ссылаясь на рукопись современника Молла Кямала, А.А.Рахмани пишет, что якобы беглярбек Ширвана Хосров хан добивался у Аббаса II позволения напасть на Терки, но тот отказал ему ввиду «существующей дружбы с русским царем и полагаясь на то, что все это было совершено без ведома царя» [142, 104].

В этой сложной ситуации и исходя из международной обстановки обе стороны не хотели дальнейшего обострения отношений. С целью восстановления дружественных связей шах всю вину старался переложить на Хосров хана. Хотя шах и не желал отъезда царевича из Терки в Астрахань, а оттуда в Москву, он всё же не позволил Хосров хану совершить военный поход на Терки,

так как в противном случае это означало бы объявление войны России, что не отвечало интересам шаха, стремившегося урегулировать вопрос с Россией дипломатическим путём. Именно в это время в Сефевидское государство прибыл посол Лобанов-Ростовский, перед которым стояла трудная задача – с минимальными уступками добиться восстановления отношений между двумя государствами [4, 30]. Как уже отмечалось, русско-сефевидский конфликт был вызван продвижением России на Северный Кавказ и сближением Грузии с Россией. В первую очередь, Лобанов – Ростовский должен был убедить сефевидское правительство в том, что, постройка крепости на реке Сунже не повлияет на дружественные отношения между обоими государствами и не будет ущемлять чьих-либо интересов, тем более, что данная крепость была построена ещё царём Михаилом Федоровичем по просьбе шаха Аббаса I, который в своё время предложил содержать там представителей из России, чтоб «меж Россией и Персией вором и сорщиком места не было» [4, 30, 137]. Лобанов-Ростовский также должен был добиться, чтобы сефевидский шах возвратил Теймуразу Кахетию и прекратил антирусские выступления на Северном Кавказе и в Дагестане. На требования русских послов шахские дипломаты ответили контртребованиями: прекратить набеги донских казаков в прикаспийские области, срыть до основания построенный на Северном Кавказе без шахского согласия острог и передать шахскому правительству грузинского царевича Ираклия. Вопрос о прекращении пограничных инцидентов, мешавших нормальному ведению торговли, был принят шахом положительно, а на все остальные требования послы фактически получили отказ [4.27, л. 27; 4.26, л. 255].

Миссия Лобанова-Ростовского завершилась неудачно, так как он не смог решить поставленных перед ним задач, чем царское правительство было крайне недоволено.

3 июля 1658 г. в Москву прибыл шахский посланник Дакул Султан со свитой, в числе которой находились и пять купцов шамахинского хана [4.34, л. 25; 4.35]. Цель данного посольства также заключалась в урегулировании отношений между двумя государствами. Хотя на принципиальные уступки обе стороны идти не желали, однако сам факт прибытия в Россию представителей Сефевидов свидетельствует о заинтересованности обоих государств в восстановлении благоприятных взаимоотношений. На переговорах вновь поднимался вопрос о сожжении Сунжинского острога и ограблении мирных жителей. Так как Хосров хана Ширванского уже не было в живых, то «ближние шаховы люди» объявили, что это якобы было сделано «без шахова повеления». На переговорах также был поднят вопрос «о возмещении убытков, понесенных русскими купцами в Шемахе и Гиляне» [4.34, л. 141]. Представителю шаха было объявлено, что «ни в которых государствах повелось, чтобы торговым людям задержанные чинить, если даже между государствами ссора – купцам бывает путь чист» [4.34, л. 141]. Несмотря на это ширванский беглярбек продолжительное время задерживал 2 русские бусы на пристани в Баку [4.31, л. 45]. Дакул Султан, в свою очередь, напомнил русским властям, что во время конфликта в русских городах также были задержаны подданные шаха. Во время переговоров особняком стоял и грузинский вопрос, которому посвящено специальное исследование грузинского историка Н.Накашидзе [125]. Поэтому отметим лишь некоторые моменты,

связанные с событиями в Ширване и Грузии. Русский царь просил сефевидского шаха прекратить враждебные действия по отношению к Грузии, ибо ему стало известно, что «из Шемахи и Кенжи приходили на Теймураза царя и на Грузию шах Аббасовы ратные люди, царевича Давида убили, а Теймураза изгнали» [4.34, л. 164]. Царь напомнил послу, что ещё в 1648 году ставленник шаха царь Картлии Рустам при поддержке азербайджанских беглярбеков, разбив войска Теймураза, занял Кахетию. Теймураз вынужден был вновь бежать в Имеретию [73, 938]. Посланник шаха истолковал эти действия как самовольство со стороны Хосров хана Ширванского, уверяя царя, что «де зарубежные правители турецкой, индейской ведомо, что Теймураз со своєю землею издавна в подданстве у Шахова величества» [4.34, л. 158]. Вместе с тем посланник напомнил царю, что в своё время, учитывая желание Алексея Михайловича, шах Аббас II обещал оберегать Теймураза, прося у него лишь в качестве аманата его сына царевича Давыда, так как «в грузинской земле бусурман множится и грузины ссоры не было» [4.34, л. 158]. Только после отказа Теймураза выдать в качестве аманата царевича последовала отправка шахом войск в Грузию. Сам Теймураз в 1657 г. приезжал в Москву просить у царя помощь, что вызвало беспокойство шаха. Однако военные действия России с Польшей и Швецией в этот период опустошили её казну, и Теймураз не смог добиться реальной помощи за исключением «б тыс. рублей, да соболею на 3 тыс. рублей» чем остался крайне недоволен [4.50, л. 364]. Русский царь обещал также написать шаху, чтобы тот воздержался от враждебных действий в отношении Грузии, и при первой возможности послать туда русские войска. Однако, как пока-

зал дальнейший ход событий своё обещание он не выполнил, по-видимому, не желая осложнять отношений с Сефевидской державой. Как уже отмечалось, мир с последней сулил для России выгодную торговлю, являвшуюся одним из важных источников пополнения казны. При существующих неблагоприятных отношениях с Западом восстановление торговых операций с богатыми областями Сефевидской империи и, прежде всего, с Азербайджаном для России имело весьма большое значение. Как отмечалось, именно города азербайджанских беглярбекств были удобными для торговли русских купцов, и поэтому вполне понятна заинтересованность России в этом важном для неё регионе. Экономические интересы обоих государств подкреплялись и политическими, так как и Русское, и Сефевидское государства в данный период имели общего противника в лице Османской империи.

Учитывая стремление России к нормализации отношений, шах решил так же пойти на уступки по вопросам, имевшим первостепенное значение, как для русской внешней политики, так и для Сефевидской империи, а именно урегулирования торговых отношений, пограничных инцидентов, обеспечения безопасности торгово-дипломатическим миссиям и др. Шахское правительство рассчитывало, что после завоевания украинских земель, изнурительных польско-шведских войн Россия сдаст свои позиции в кавказском вопросе. Но Россия несмотря на осложнения международного положения не собиралась изменять своего политического курса на Кавказе. Более того, именно возможная агрессия со стороны Турции и Крыма определила необходимость того, чтобы Россия не

только продолжила осуществление намеченного плана, но и искала новые опорные базы.

В 1662 г. из Москвы было послано к шаху посольство во главе с Милославским «для урегулирования общего дела и утверждения дружбы, мира и любви между обоими государствами» [4.37, лл. 2,3]. Посольству поручалось до прибытия в Исфаган задержаться в Шамахе с целью изучения обстановки. В период своего пребывания в Шамахе члены посольства сумели собрать достаточно сведений о богатых ресурсах, торгово-экономическом и политическом положении Ширвана, которые в виде донесений различного характера были посланы Милославским в Посольский приказ [4.37, л. 523]. Шах Аббас II, со своей стороны, стремившийся к восстановлению взаимоотношений с Россией, доброжелательно встретил русских послов и принял все их предложения, за исключением грузинского. Шах категорически отказался вести переговоры по данному вопросу, мотивируя тем, что «та грузинская земля шахова область и искони грузинцы холопи шаховы..., а будут грузинцы придут в непослушание, как чинились при прежних шахах и им по делу будет и наказанье» [4.37, л. 57]. Но миссия Милославского в связи с его смертью не была доведена до конца. Когда члены посольства возвратились в Москву, русскому царю стало известно, что урегулирование экономических вопросов было достигнуто путём политических уступок, в частности в грузинском вопросе. Тяжёлая международная обстановка на Западе и желание восстановить с Сефевидской империей добрососедские отношения вынуждали царское правительство вновь воздержаться от проведения активной политики в кавказском регионе.

Заинтересованное в Ширване как в экономическом, так и в стратегическом отношении русское правительство стремилось расположить к себе нового беглярбека Ширвана. Об этом открыто говорилось в инструкции русским послам в Сефевидской государстве: «... будучи в Шемахе и других городах шемахинского воеводу одаривать в качестве, и ближних шаховых людей для всяких государевых дел на раздачу» [4.24, л. 305].

Во второй половине XVII в. значение Азербайджана в русско-сефевидских отношениях ещё более возросло, что было связано с активизацией ряда европейских государств, стремившихся к установлению транзитной торговли с Сефевидской империей. Так как один из коротких путей из Европы в восточные страны пролегал через Россию и города Азербайджана, то представители европейских стран наталкивались на противодействие, в первую очередь, России.

Как известно, завоевательная политика Османской империи в XVI-XVII вв., привела к падению торговли по Средиземному и Чёрному морям, а также к значительному сокращению торговых связей между Европой и странами Востока через Малую Азию, что оказало огромное влияние на всю экономическую и политическую жизнь как Европы, так и Ближнего Востока. Поэтому купечество европейских стран вынуждено было искать обходные пути с целью транзита товаров из Европы на Восток и обратно. Об этом свидетельствуют записи побывавших с 1475 по 1700 гг. как в Русском, так и в Сефевидском государствах около 50 европейских путешественников, основной целью которых являлось выявить возможности торгового транзита через территорию России и далее на Восток.

Торговые интересы европейских государств в Сефевидской империи, в первую очередь, определялись изобилием шёлка-сырца, производство которого в таких областях как Ширван и Гилян возрастало на протяжении всего XVII в. [28, 792]. По справедливому замечанию В.В.Бартольда, «... европейские купцы приезжали в Персию,³⁵ главным образом, для покупки шёлка и драгоценных камней» [71, 111-112]. Провоз шелка-сырца в европейские страны через Россию обходился купцам дешевле, нежели через территорию Турции, где они подвергались неимоверным поборам и частым грабежам.

За монополию вывоза шёлка-сырца за пределы Сефевидской державы шла усиленная борьба между английским, голландским, французским, русским капиталом. Но помимо экономических интересов в основе стремления многих европейских государств к сближению с Сефевидской империей были и политические мотивы – опасность турецкой экспансии, которая вынуждала их искать союза против Турции. Все это объясняет энергичное стремление Англии, Нидерландов, Франции, Голландии, Польши, Пруссии, Австрии и некоторых других европейских государств к установлению дипломатических и торговых связей с Сефевидской империей. Естественно, эта политика прямым образом затрагивала экономические интересы России, с более слабым, чем в Европе, но всё же с развитым торговым капиталом. Торговля сефевидским шёлком-сырцом, поступавшим сюда в основном из Шамахи и Гиляна, была царской монополией. Шёлк-сырец вывозился из Сефевидской империи в Европу, в частности из Азербайджана по Волжско-Каспийскому пути, через Россию в страны Западной Европы, которые, в свою очередь, стремились добиться «права

свободного торгога с Персией через территорию Московского государства» [85, 14]. Попытки многих западно-европейских стран получить право транзита до 60-х годов XVII в. заканчивались неудачно. Только в 1667 г. после окончания русско-польской войны, когда угроза со стороны Турции ещё более возросла, Россия пошла на некоторые уступки в отношении торговли западно-европейских стран с Сефевидами, добиваясь таким образом не только пополнения царской казны, но и союза с шахом, и побуждая его к выступлению против турок. В 1667 году русское правительство, идя на уступки, заключило договор с Новоджувльфинской компанией,³⁶ главным предметом вывоза которой был азербайджанский шёлк-сырец. Заключение договора совпало с русско-польским перемирием, и новоджувльфинским купцам были даны привилегии без созыва комиссии московского купечества, как это делалось ранее в подобных случаях. Правители Сефевидской державы, так же заинтересованные в русском рынке и транзитных путях, проходивших через Россию, стремились к расширению экономических отношений с ней посредством торговли новоджувльфинских купцов. В 1667 г. представители этой компании С.Ромадановский и Г.Лусиков получили от русского правительства жалованную грамоту на право торговли в России шёлком-сырцом и вывоз его в Европу через пограничные и портовые города Архангельск, Новгород, Смоленск. За вывозимый в Европу шёлк-сырец налагалась пошлина, в общей сложности, не превышающая 15 процентов от его стоимости и пошлина за провоз товара [39, 56]. В ответ на жалованную грамоту 1667 г. представители Новоджувльфинской компании дали свою так называемую запись, подтверждавшую взятые ими обязательства. Совокупность обоих до-

кументов придавала отношениям между Русским и Сефевидскими государствами характер взаимовыгодного договора [91, 101]. Предоставлением льгот сефевидским купцам русское правительство преследовало следующие цели: во-первых, вывоз шёлка-сырца из прикаспийских областей в Европу через Россию лишал Османскую империю доходов от транзита, т.е. наносил значительный ущерб её экономике; во-вторых, усугублялась экономическая и политическая разобщенность между Сефевидской державой и Османской империей; в-третьих, торговля шёлком-сырцом между сефевидскими и западноевропейскими купцами находилась в поле зрения Русского государства.

В данном договоре преследовались не только экономические, но и политические цели. Подтверждением этому служит царская грамота, отправленная к шаху в 1668 г. с Томасом Брейном [4.42, лл.4, 4 об.], посольство которого имело миссию склонить шаха к выступлению против турок. Царь сообщал шаху о союзе с Польшей, направленном против Турции, и о заключении договора с Новоджувльфинской компанией, согласно которому весь сефевидский экспорт, в основном шёлк-сырец и предметы ремесленного производства преимущественно из городов Азербайджана, будет направлен не через Турцию, а через Россию в ущерб турецкому султану, который «богатеет и беспокоит соседние государства» [4.42, л. 4]. Таким образом, правители Московского государства путём экономических уступок пытались втянуть шаха в союз против Османской империи.

На протяжении XVII века, как уже говорилось, другое важное политическое событие в одинаковой мере беспокоило правителей обоих государств – казачьи «раз-

бои», получившие своё начало в России и наносившие огромные убытки торговле. Этот вопрос был настолько злободневен, что, возможно, одна из причин урегулирования русско-сефевидского конфликта заключалась в необходимости совместного усилия для борьбы с казачьими грабежами, принявшими в 60-х годах XVII в. угрожающий характер. Дело дошло до того, что шах Аббас II приказал своим военачальникам, везирам и другим чиновникам в прибрежных районах от Дербенда до Астрабада, т.е. на всем каспийском побережье Азербайджана, «... установить наблюдательные пункты, назначить мушкетеров в районах, где налицо была опасность появления казаков и принять меры для предупреждения их набегов» [141, 121]. Был приведён в боевую готовность специальный гарнизон во главе с Мирсеид-Гусейном Ширвани. Многие правители городов Азербайджана и Гиляна получили приказ об усилении охраны своих владений [142, 101]. Несмотря на все предостережения, казаки высадились на прикаспийском берегу, но быстрое приближение регулярных войск шаха вынудило их вернуться на свои суда.

В конце 60-х годов XVII в. повсеместные стихийные выступления в России, получившие относительно организованный характер, вылились в настоящую войну, направленную против царизма. Одним из предводителей этого восстания был донской казак Степан Разин, который с целью обогащения решил совершить поход на Каспийское море, где плавали многочисленные купеческие суда. Поход под предводительством Степана Разина в прикаспийские города (1668-1669 гг.) имел много общего с прежними казацкими набегами на Волге, но отличался

большим размахом и резко выраженной социальной направленностью.

Крестьянскому восстанию под руководством Степана Разина посвящено немало исследований [33; 145; 125], однако его каспийский поход, оставивший заметный след в истории двух государств всегда рассматривался в ракурсе марксистско-ленинской идеологии и фактически затушёвывался его грабительский характер.

В 1668 г. отряды под предводительством Степана Разина вышли в Каспийское море на 40 стругах с войском в 2000 человек, двигаясь на Дербенд и Баку [125, 286, 289]. Об этом сообщил шаху Сулейману в специальной грамоте от 3 мая 1668 г. русский царь Алексей Михайлович, уведолив, что для их усмирения послан полковник Тамарра, и необходимо шаху дать указ населению прибрежных областей Каспия о непредоставлении пристанища казакам, «... а побивать бы их везде и смертью умерять без пощады» [106, т. I, 32].

Отряды Разина первоначально совершали нападения на богатые прибрежные города Азербайджана и торговые суда на Каспии. В воспоминаниях очевидца, зафиксированных в Посольском приказе от 3 мая 1668 г., говорилось, что «казаки выходят на море стругами и на бусах торговых людей воюют и грабят и в Астрахань с товарами не пропускают, путь запирают и там меж государств ссору чинят» [106, I, 106].

В донесениях царицынского воеводы в начале августа 1668 г. указывалось, что в Дербенде «воровских казачков боятца и город крепят и по караулом стоят з большим опасением» [106, I, 120]. Напав на селение Маштаги, расположенное недалеко от Баку, разинцы захватили

крупную добычу – 7000 баранов и взяли в плен 150 человек [33, 31].

Являясь очевидцем этих событий, путешественник Ян Стрейс, ссылаясь на сообщения самих казаков, писал, что они захватили такие города как Дербенд, Баку, Ниязабад, Шабран и др. [40, 201; 61, 251]. Но это не очень убедительно, т.к. вряд ли отрядам казаков удалось бы захватить такие крупные города как Дербенд и Баку. Скорее всего, речь идёт о набегах казаков на окрестности этих городов [80, 26]. Грабя и опустошая населенные пункты между Дербендом и Шамахой, отряды казаков дошли до Баку, где захватили огромную добычу, выбрав в качестве опорного пункта близ Баку остров Свиной, а затем направились к южным берегам Каспия [125, 288]. Как следует из показаний очевидцев, казаки «на тот полон выменивали русских людей, имали за одного кызылбашенина по 2, по три и по четыре человека русских» [106, I, 143]. В показаниях русского толмача³⁷ отмечалось, что к казакам «пристали иноземцы скудные многие люди» [106, I, 143].

Находясь на южном побережье Каспийского моря, Разин через посланцев предложил свои услуги сефевидскому шаху Сулейману (1667-1694), которого называл своим братом, и хотел войти с ним в союз, обещая прислать ему необходимые военные запасы и даже принять ислам. «Мы будем шаху служить и обусурманим донских казаков и приведем к тебе...», – говорили посланцы Разина. Но Шах Сулейман, недовольный действиями казаков на Каспии, велел убить посланцев Разина [35, 457]. В это же время жители Решта напали на казаков и убили до 400 человек. Разин вынужден был отплыть со своим отрядом к Фарабату и Астрабаду, где жестоко обращался с

беззащитными жителями, грабя и разоряя их [78, 253; 125, 288].

Укрывшись на зиму в 1668-1669 гг. около Фарабата, на полуострове Менджанкале, казаки весной 1669 года вернулись к острову Свиному. За этот период сефевидское правительство, собрав силы, в июне 1669 г. направило к острову Свиному 50 плоскодонных судов под командованием Менеды хана [86, 75]. Однако сражение закончилось поражением сефевидских войск. Как сообщает секретарь шведского посольства в Сефевидском государстве Кемпфер, подвижные казацкие отряды на малых судах в абордажном бою наголову разбили шахскую флотилию. Только три судна вместе с Менеды ханом успели спастись, а сын и дочь флотоводца попали в плен [145, 137]. После этого опасаясь прихода новых регулярных войск, больших потерь, болезней и ранений казаки с захваченной добычей отплыли к Астрахани. На этом поход Разина в прибрежные области Сефевидской империи завершился. В результате совершенных набегов казаками была приобретена богатая добыча, награбленная, в основном, за счёт состоятельного городского населения прикаспийских областей и торговых караванов на море, чем был нанесён ощутимый урон азербайджанской торговле по Каспийскому морю. Как указывает Ян Стрейс, казаки после этого похода оделись «как короли в шелковые и бархатные одежды» [40, 200]. В городах на юге России они распродавали множество ценностей, привезённых из Азербайджана и других прикаспийских областей.

В фондах РГАДА имеются документы об ограблении Разиным купцов и их просьбе о возмещении понесённых убытков [4.46, л. 266]. Как свидетельствуют ар-

хивные документы, в период крестьянской войны товарооборот обоих государств был значительно снижен, что нанесло огромный ущерб прибрежным областям Азербайджана, являвшимися источниками сырья и рынками сбыта как для России, так и для всей Сефевидской империи.

Пребывание Разина у западных берегов Каспийского моря поставило под угрозу начавшиеся в это время русско-сефевидские переговоры о заключении выгодного для обоих государств торгового договора о монопольном праве вывоза шёлка [72, 34] через Россию в страны Западной Европы.

Именно поэтому правители Сефевидского и Русского государств были крайне заинтересованы в скорейшем подавлении этого разбойного движения. В начале 1671 года Степан Разин был схвачен царскими войсками и привезён в Москву, где 6 июня был казнен. В смертном приговоре, объявленном Разину на месте казни, где в числе почётных гостей присутствовали и азербайджанские купцы, было объявлено: «... ты злодей, придя на Каспийское море грабил жителей и отнимал товары у купцов, а то и убивал их. А так же разорил несколько городов Персии и там посеял великую рознь между двумя царствами» [86, 129].

Так, закончились грабительские казачьи походы под предводительством Степана Разина, которые были серьёзным препятствием в осуществлении политических планов России, готовившей в течение всего XVII в. почву к колониальному наступлению на Кавказ. Давая оценку этой политике, исследователь М.Полиевктов справедливо отмечал, что «кавказская политика России преследует в это время две тесно связанные между собой цели: с одной

стороны, подготавливается «закавказский плацдарм», главным образом, против Турции... отбить постоянные устремления Турции к Каспийскому морю. С другой стороны, подготавливается наступление на Персию, главным образом, в целях овладения закавказскими, прежде всего восточно-закавказским (Шамаха) и более широко прикаспийским рынком (Гилян)» [90, 36, 37]. С целью проведения в жизнь своих экспансионистских планов Россия решила укрепить торгово-экономические связи и усилить политическое влияние в странах Южного Кавказа. При этом, как отмечал И.Петрушевский, «Россия хорошо понимала, что достигнуть успехов в этом отношении нельзя, не завязав прочных связей с частью местных феодалов и купечества, на дружбу и поддержку которых Москва могла бы опереться» [132, 295].

В последней четверти XVII в., когда появились явные признаки ослабления Сефевидской империи, её экономического и политического упадка, Русское государство всё более активизировало свою политику на Южном Кавказе, в том числе и в Азербайджане [93, 77]. Этот отрезок времени прошёл для Азербайджана относительно спокойно, что, в свою очередь, благоприятно сказалось на укреплении торгово-экономических связей Азербайджана с другими государствами и, в частности, с Россией.

Одновременно, как позволяют судить источники, в русско-сефевидских политических отношениях в последней четверти XVII в. наблюдалось определенное охлаждение, одной из причин которого было недовольство, возникшее отказом царского правительства компенсировать убытки, нанесённые купечеству прикаспийских областей грабительскими походами Разина. Кроме того, в период русско-турецкой войны 1677-1681 гг. Сефевид-

ская держава осталась нейтральной несмотря на договорённость о взаимопомощи в случае нападения Турции на одно из этих государств, когда они обязывались отправить 20000 отряд на помощь своему союзнику [142, 99]. Однако Сефевидская империя в этот период настолько ослабла, что не в состоянии была не только поддерживать своих союзников, но и удержать в руках центральную власть. Поэтому шах Сулейман воздержался от выступления против Османской империи, что вызвало недовольство русского правительства. Глубокий политический и экономический кризис, охвативший Сефевидскую державу, привел к полной децентрализации пограничных областей, в особенности азербайджанских беглярбекств, которые, часто отказывались от подчинения центральной власти и действовали в собственных интересах.

ГЛАВА III

АЗЕРБАЙДЖАН В ТОРГОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVII ВЕКЕ

Начиная с XVII в. торговые взаимоотношения России со многими странами Востока, в том числе и с Сефевидской державой значительно расширились.

В этот период вопросы восточной торговли, параллельно с западными, приобретают важное значение для внутренней и внешней политики Русского государства. Торговые интересы русского правительства находились в определенной зависимости от стабилизации отношений с Сефевидской империей, где Азербайджану отводилось особое место, поскольку такие его города как Шамаха, Тебриз, Дербенд, Баку, Гянджа, Ареш и другие имели огромное значение в международной торговле [94, т. III, 270; 87, 27]. Наряду с этим выгодное географическое расположение, важное стратегическое значение и природные богатства Азербайджана постоянно привлекали пристальное внимание не только России, но и более отдаленных стран Западной Европы. Купцы ряда европейских государств ещё с середины XVI в. неизменно добивались получения здесь выгодных для них торговых льгот [58]. В «Посольских делах» изучаемого периода, в записках и

донесениях купцов-путешественников имеется подробный перечень ввозимых в Азербайджан и вывозимых отсюда товаров, их стоимость и имена купцов, занимающихся торговлей в этом регионе [17, 32; 7, 405, 416].

Русскими официальными лицами и купцами были накоплены значительные сведения о городах Азербайджана, о чем свидетельствуют составленная в 1627 г. «Книга большого Чертежа» и изданный в середине XVII века «Дорожник», в которых подробно описывается расположение азербайджанских городов и ведущих к ним путей. Сведения этих источников свидетельствуют о заинтересованности русских предпринимателей в торговле с Азербайджаном, стимулировавшей рост производства в России. В XVII веке значительно возрос интерес на азербайджанские товары, о чём можно судить по архивным документам, где часто упоминаются: тафта «шемохейка»,³⁸ тафта «ардевильская», «чрево осетрины шехонские», «пестряди»³⁹ ардевильские», «бархат тевризский», «атлас тевризский» «юфти»⁴⁰ тевризские» и другие [5, т. II, 230; 4.51, лл. 335-362]. О высоком спросе в России на азербайджанские товары так же свидетельствует составленная в начале XVII в. «Торговая Книга» [42]. Как явствует из текста, автор был хорошо знаком с конъюнктурой рынка, где цена и спрос на товары, в особенности на азербайджанский шёлк-сырец менялись в зависимости от политической обстановки. Автором книги показано сосредоточение в Шамахе английских купцов и их торговые операции, записано много наставлений русским купцам с целью сбора информации: «... почем в чистой и тонкой нити дадут за фунт? и пытати сколько пудов купцу дадут подлинно про шёлк и про цену сговаривайся. И пытати ... сколько аглинцы с Шамахи много ли его вывозят, где

продают и почём фунт» [42, 170]. Столь повышенный интерес на шёлк-сырец в Азербайджане был вызван ростом цен, который находился в прямой зависимости от начавшегося реэкспорта последнего в Западную Европу через территорию России. Это хорошо прослеживается и в других источниках, где говорится о покупке азербайджанского шёлка-сырца и об изменении на него цен. По данным «Торговой Книги» в апреле 1613 г. было «заплачено за 10 золотников шолку шамарханского⁴¹ по 2 алтына по 2 деньги золотник», за «20 золотников шолку разных цветов по 2 алтына золотник» [133, 86], но в следующем месяце цены уже были не стабильны. Аналогичная картина вырисовывается и по Приходно-расходным книгам Казённого Приказа 1614 года. Так, в феврале 1613 г. «литр шолку шамарханского червчатого стоил 4 рубля 16 алтын 4 деньги» [133, 142], а уже в апреле 1614 г. «5 золотников шолку червчатого шамарханского цена по 2 алтына золотник» и т.д. [133, 277]. Приведённые факты свидетельствуют о том, что развивающееся русское мануфактурное производство остро нуждалось в шёлке-сырце, и ему уделялся повышенный интерес. Этим объясняется попытка царя наладить производство отечественного шёлка. В 1650-х г. был дан наказ астраханскому воеводе, «чтоб они шолк у себя в садах заводили безо всякого опасения» и «за тот шолк велено им давать ... цену нескудную»⁴² [5, 139]. Во второй половине XVII в. приезжали «иноземные» мастера, которые должны были ставить «государевы шолковые заводы» в Астрахани [38, т. XXI, 134]. Однако эти шаги к развитию шелководства, как и попытки вырастить в России хлопок и миндаль, из-за суровых климатических условий, были обречены на неудачу.

Большая часть привозимого из прикаспийских областей в Россию шёлка-сырца, исчисляемого около 70 тыс. пудов в год, приходилось на долю Азербайджана [4.7, лл. 3, 4]. Деньги выплачивались из казны по установленной цене, с согласия другой стороны. Так было с азербайджанским купцом Юсифхановым, который докладывал, что «... весь сырой шолк в Ярославле взяли на тебя, государя, а ему ж государь выплатили ис твоей казны...» [154, 72].

Шёлк-сырец был не единственным предметом реэкспорта из Сефевидского государства. В XVII в. ввозимые в Россию из стран Востока ткани, в особенности шелковые, составляли одну из самых значительных статей импорта Русского государства» [154, 72], о чём свидетельствуют списки товаров купцов и перечень подарков шаха и шемахинского хана русским царям, а также переписка между русским и сефевидским дворами. В Москву поступали камка,⁴³ бархат, атлас, выбойка, пестряди, тафта, дараи,⁴⁴ производившиеся в Тебризе, Шамахе, Баку, Гяндже, Ардебиле, Гиляне, Кашане, Иезде и других торгово-ремесленных центрах. Азербайджанские шелковые ткани, называемые в русских архивных документах «кызылбашские» – тонкие и хорошего качества, пользовались спросом не только в Русском государстве, но и в западных, а также в восточных странах.

Судя по первоисточникам, «кызылбашские ткани» закупались русской казной либо для московского царского, либо для патриаршего двора, где использовались при совершении различных обрядов. В основном это были зарбафт⁴⁵ – ткань с узорами, вышитая шелковой, серебряной и золотой нитью, которая шла на изготовление богатой одежды – «объяри золотые, серебряные, шелковые,

бархат различных цветов, атласы алые с узорами, полосатые с шелковыми травами» и т.д. [110, 58; 80, 153]. Часто эти ткани преподносились сефевидскими купцами в дар русскому царю. Так, на приёме в Грановитой палате 16 марта 1625 г. царю Михайлу Фёдоровичу посланцы шаха и шемахинского хана Русан бек и Булат бек преподнесли среди прочих предметов 60 кусков камки, 18 кусков золотого бархата [4.9, л. 18]. Как явствует из другого архивного документа, шемахинские купцы привезли в дар царю «скатерти золотные, камку золотую, камку полосатую, цветную, камку кызылбашскую» и т.д. [4.11; лл. 2, 3]. В росписях товаров, привезённых шемахинскими купцами, как правило, обязательно упоминались зарбафт, дараи, киндяк,⁴⁶ камка и тафта. Особым спросом в России пользовалась одноцветная ткань «тафта шамохейская», которая часто упоминается в Расходной Книге Новгородского Софийского дома и встречается в описи имущества Бориса Годунова [79, 258]. Самыми дорогими из обращавшихся на русском рынке восточных тканей, которые покупала лишь верхушка феодального общества, были бархат и камка различных сортов. Более доступными широким слоям населения были хлопчатобумажные и некоторые недорогие сорта шелковых тканей. В этой связи интересно свидетельство путешественника Иоганна Родеса, сообщавшего, что «московский простой люд не мог обойтись без персидских товаров, так как они большей частью все одеваются в дараи и киндяки. Это легкие и удобные ткани, которые не только дешево покупаются, но так же видныя и прочная» [112, 133]. В росписи имущества астраханского посадского человека Первуши Изборенина встречаются «кафтанишко зендинное, сарафан, дороги червчатые» [7, 328]. В «Домострое» при описании

свадьбы простых людей также упоминаются хлопчатобумажные привозные ткани – киндяки, зендени,⁴⁷ атлас [12, 194].

Среди вывозимых из Сефевидской державы товаров выделялись изделия из золота и серебра, а также привозимые индийскими купцами в Азербайджан в большом количестве драгоценные камни [94; 145, 38; 59]. Наиболее ценные экземпляры драгоценных камней и камней в готовых изделиях закупались шахской казной, которые часто посылались в Москву русским правителям в виде даров от шаха [4.37, л. 43; 4.39, л. 3]. Как правило, драгоценные камни огранялись. Так, в архивном документе упоминается «перстень с перелифтою золот» и «камень сердолик обложен золотом», подаренный шахом Аббасом I русскому послу А.Звенигородскому [39, т. I, 301; 10, т. I, 278]. В «Торговой книге», упоминаемой нами ранее, имеются сведения о стоимости некоторых восточных камней, поступавших на русский рынок. По словам русского посла Г.Васильчикова, из самоцветов в Москве «подороже всех и почеснее камень яхонт червчат, да лал⁴⁸ бедаханский» [10, т. I, 270]. Интересно, что золотой трон царя Бориса Годунова, который он получил в дар от шаха Аббаса I, был обрамлен великолепной золотой басмой, усыпан мерцающими жемчужинами, темно-красными рубинами и крупной бирюзой различных оттенков – от бледно-голубого до ярко-синего [10, т. II, 48].

Драгоценными камнями украшали в Сефевидском государстве и предметы вооружения, конское убранство, часто отправляемые в дар русскому царю. Так, в 1635 г. посол Анди бек привёз в подарок царю Михаилу Фёдоровичу от шаха Сефи I золотое седло, которое оценивалось в 650 рублей, в сумме по тому времени очень высокой. В

«росписи» дано подробное его описание: «седло, кызылбашское, настилка бархат кызылбашской, шолк червчат да лазорев, з золотом, луки и звери кованы золотом, в луках и в звёздах вделано яхонты червчатые и лалы, и бирюза, войлоки, бархат кызылбашской разные шолки, рыльца и тебеньки – камка кызылбашская: стремена железные обогнуты серебром, пряжи серебряные пуслица и подпруги в крушки, да лазорев да червчат, да бел, з золотом и с серебром» [10, т. I, 129, 130].

В «росписи» даров русским царям от шаха и шамахинского хана часто упоминается военный музыкальный инструмент тулунбас – небольшой бубен, состоящий из железной, медной или деревянной чаши с натянутой поверх нее кожей; по нему ударяли короткой плетью с металлическим шариком на конце [10, т. I, 129, 130]. Шамахинский купец Аджиага Мурадов привёз в дар царю Алексею Михайловичу три «тулунбаса булатных» [10, т. I, 196]. В этих же документах часто упоминаются аргамаки,⁴⁹ предназначенные для царской конюшни [4.23, л. 72].

С начала XVII в. из прикаспийских областей Азербайджана в Россию вывозили нефть [42, т. I, 112], где ею пользовались в военном деле, применяли как горючее, а также использовали в качестве растворителя для красок. Одновременно она служила предметом реэкспорта. Как явствует из «Торговой Книги», купцам, торговавшим с западно-европейскими странами, советовали: «... нефти черныя будет у тебя купят немцы, пуд по 4 ефимка, а тебе станет по 1 рублю, 10 алтын и 4 деньги. И ты имейся за 500 пуд. В Брабанех купят ведро по 2 ефимка. Белые нефти купят по 10 рублей. И ты сговаривайся о нефтях, а держи на выговоре, в запасе; а не будет хода до Шамахи мирной, и мене сговаривайся...» [42, т. 1, 250].

Из прикаспийских областей вывозились различные товары и для широких слоев русского населения, производимые в основном в ремесленных центрах Азербайджана, что и объясняет стремление Русского государства поддерживать торговые отношения именно с северными беглярбекствами Сефевидской империи. Во многих русских официальных документах изучаемого периода, отражающих историю взаимоотношений этих государств, затронуты различные вопросы, связанные с торговлей, структурой торгового взаимодействия, степенью прибыльности и т.д. Детальное изучение этих документов показало наличие интенсивных темпов развития торговли между обеими странами, а так же стремление правителей Русского государства к большему притоку товаров из Сефевидской империи, в особенности из Азербайджана. Отсюда и особое поощрение русским царем оптовой торговли, о чём красноречиво свидетельствует его указ от 1623 г., согласно которому «...велено кызылбашей и бухарцев торговых людей, которые учнут приезжать в Казань з большими товарами к Москве пропускать, а с малыми товары иноземцев торговых людей к Москве ис Казани отпущати не велено» [4.7, л. 1]. Этим указом русское правительство так же защищало интересы собственного купечества, которое заявляло, что «... кызылбашские и бухарские земли тезики у Астрахани и ис Казани ездят по всей вашей государевой вотчине; и оне свои товары тако ж продают врозь большею ценою, а не свалом, и у нас холопей ваших оне и последние промыслы отняли...» [149, 18].

Ведение крупной оптовой торговли с русской государственной казной было выгодно правителям Сефевидской державы [156, 35]. В своих торговых делах шах

не терпел никакой конкуренции. Не случайно, что в начале XVII в. сефевидские, в том числе азербайджанские купцы, получали от шаха «крепкий наказ: не торговать ни с кем опричь государевой казны» [10, т. I, 210]. Следует отметить, что и «государева», и шахская торговля велась беспошлинно и оперировала лучшими товарами, которые считались «заповедными», т.е. изъятыми из свободного торгового обращения, являясь монополией казны, вследствие чего конкурировать с ними частным купцам было трудно. Вся тяжесть запретов ложилась почти исключительно на непривилегированное купечество. Часто купцы присоединялись к посольствам, называя «свои товары шаховыми», дабы освободиться от обременительных пошлин. В переписке правителей обоих государств на всем протяжении XVII века этому вопросу отводилось немало внимания [4.16, л. 288; 4.44, л. 2 об.; 1.15, л. 5]. В одном из архивных документов по этому поводу записано: «... которые шаховы купчины учнут приезжать в Астрахань с шаховыми товары и тем в торговле велено давать повольность на шахов обиход, всякие товары им покупать и береженье к ним держать, что б купчины мимо твоего великого государя указу не делать и что указано на шаха покупать того бы на себя не покупали и что б твоей великого государя таможенной пошлине убыли и недобору не было. А будет шаховы области торговые люди учнут торговать своими товарами в Астрахань и с них велено имать пошлины. А будет шаховы купчины все товары назовут шаховыми товары и там товаром велено имать у них шаховы грамоты и росписи... и пропускать те товары которые написаны в шаховых грамотах и в росписях. А которые товары в шаховых и в росписях не написаны и тех товаров пропускать не велено. А велено те товары пе-

реписывать и ценить пошлины имать» [4.16, л. 288; 4.44, л. 2 об.]. В эпоху царя Михаила Фёдоровича всё чаще в Посольский приказ поступали жалобы на убытки, наносимые казне от беспошлинной торговли. Поэтому товары обычных купцов подвергались в Астрахани тщательному таможенному досмотру, причём купцы платили пошлину и за въезд, и за товар, и за выезд.

По словам проживавшего в 30-х годах XVII в. в России анонимного автора, налог, который собирался за ввоз и вывоз товаров во всех городах России, являлся одним из основных видов государственного дохода [29, 253]. Этот же автор, посвятивший значительную часть своих мемуаров описанию Волжско-Каспийской магистрали, подчеркивает о значимости Астрахани, не только соединяющей «русских с Персиею и другими азиатскими странами», но и являющейся основным портом, куда доставляются товары из прикаспийских областей [29, 239]. Примечательно, что Адам Олеарий конкретно указывал, что Астраханская таможня приносила доход в 12 тыс. рублей, и, надо полагать, значительная часть была от сборов с товаров сефевидских купцов [28, 53].

Система внутренних таможенных пошлин до середины XVII в. в России была очень сложной и запутанной. Её унификацию осуществил Первый торговый устав 1653 г. [152, 261]. От Архангельска до Астрахани были учреждены единый порядок торговли, единые меры веса, монет, сбора пошлин. Но если в России таможенный налог ещё как-то упорядочивался, и центральная власть следила за тем, чтобы «лишних пошлин мимо нашего указу с иноземцев не имали» [152, 261], то в Сефевидской империи, в том числе и на территории Азербайджана, купцам приходилось платить налоги не только шахской

казне, но и каждому владельцу, через территорию которого они проезжали [76, 57]. Единой системы таможенных пошлин в Сефевидской державе не существовало, и в различных провинциях взимали разные сборы. В XVII в. наиболее значительные сборы в прилегающих к Волжско-Каспийскому торговому пути давали таможи Баку, Дербенда, Джавада, Лагиджа, о чём имеются интересные сведения у А.Олеария, Ф.Котова, Арсения Суханова [28, 462; 47, 35, 41, 104].

Азербайджанские купцы, которые в русских архивных документах именовались «купцами шахсуфиевой области Шемахинского хана» [4.6; 4.12; 4.14; 4.21; 4.24; 4.41], часто освобождались от уплаты пошлины в Русском государстве. Об этом свидетельствует немалое число архивных материалов, к которым относятся факты удовлетворения русским царем просьб шамахинских купцов о беспошлинной торговле. Так, Магмет Касим из Шамахи в 1636 г., будучи в Москве, подал прошение царю, что у него «взято пошлин в Астрахани 270 рублей» [4.20, л. 426 об.]. После ходатайства купца был дан указ царя, в котором говорилось, что «которые государевы пошлины с товаров не взяты и с тех имать не велел. А которые взяты и тех з государевой казны отдавать» [4.20, л. 426 об.]. Была удовлетворена царем просьба и шамахинского хана, на бусе которого «бывают много торговых людей со многими товарами и царскому величеству прибыль бывает немалая» [4.20, л. 427]. 21 мая 1642 г. был дан наказ в Астрахань боярину Ивану Голицину и Семёну Пожарскому, чтоб «пошлин с бус Шемахинского хана не брали» [4.20, л. 428]. Данные факты свидетельствуют о том, что царское правительство, получавшее большие прибыли от восточной торговли, было заинтересовано в

развитии торговых отношений с Сефевидской империей, и в частности с Азербайджаном. Учитывая высокий спрос на шёлк-сырец в России, особыми привилегиями пользовались купцы, привозившие в Астрахань это ценное сырье из Шамахи, правда, со временем привилегированное положение ширванских купцов оказалось несколько убыточным для царской казны, ибо наряду с шахскими купцами они привозили в Россию шёлк-сырец в огромном количестве. В этой связи царская казна установила новый порядок в отношении взимания пошлин с дефицитных товаров, привозимых ширванскими купцами. Правительственным указом 1621 г. было установлено, что с товаров ширванских купцов, с которых следует получить пошлины в размере «от 100 рублей и больше, брать пошлину в половину в треть» [4.6, лл. 4, 8]. Несмотря на этот указ приезжавшие в Астрахань купцы из городов Азербайджана продолжали подавать многочисленные челобитные о представлении им беспошлинной торговли. Не безинтересен в этом отношении архивный документ о беспошлинном провозе товаров шамахинских купцов в Россию. Так, приказчик Хосров хана Ширванского писал в своей челобитной, что «приезжали шемахинского хана купчины до Терка и до Астрахани, и до Казани, и до Москвы и у тех купчин с ханова товару пошлин искони не имывали. А Хусрев хан де холоп обчей их государей. И что бы великий государь... пожаловал, велел о том указ учинить, чтоб таможенные головы пошлин не имали прежних» [4.8, л. 5]. Иногда эти просьбы исполнялись частично, и пошлины брали в несколько пониженном размере. Например, в 1650 году с товаров ханского купца Ага Магомед бека взяли 2/3 таможенных пошлин [4.18, л. 31]. Астраханские воеводы в своих отчётах, ссылаясь на

царскую грамоту от 1621 г., мотивировали это хорошим отношением в Шамахе к русскому купечеству, о чём записано в архиве: «да потому мы Шемахинского с Хусрев хановых товаров на купчин его пошлин... треть взять не велели, что в прошлом году посланы из Астрахани в шах Аббасову область купчины с государевою казною... и многие торговые люди со своими товары. И он хан... государевых купчин и всяких торговых людей в Шемахе берег, обид и напрасных продаж и лишних убытков и зацепки ни в чём не чинил» [4.21, л. 5].

Как явствует из архивных документов, наибольшие льготы предоставлялись купцам шамахинского хана в 50-е годы XVII века. Так, в 1653 г. в Астрахань приехали посланец Хосров хана Ширванского «Хусейн бек с товарищы», с которого «многиджа»⁵⁰ требовали уплаты пошлины, однако он заявил: «... пошлин де им с тех товаров дать нельзя, потому что наперед сего с хановых товаров в Астрахани и на Москве и в Ыных городах (пошлин) не имывано...», объясняя это тем, что «купчинам и ... русским торговым людям в Дербени и в Шемахе от хана никакова задержанья и тесноты и напрасных убытков не было» [4.26, л. 31].

Причина такой уступчивости со стороны правителей Русского государства была вызвана русско-сефевидским конфликтом 1650-1653 гг., который привёл к временному разрыву дипломатических и торговых отношений. По указу шаха многие русские торговцы были задержаны в Шамахе, потерпев при этом значительные убытки [4.25, л. 2; 4.34, л. 14]. Поэтому предоставлением льгот в этот период как купцам ширванского беглярбека, так и шахским было рассчитано на восстановление регулярных экономических связей между обеими державами.

Более того, Россия была заинтересована в Азербайджане – как в центре русско-восточной торговли, через территорию которой вглубь не только Сефевидской империи, но и в страны Востока проезжали посланники и купцы из различных стран. Азербайджанское купечество являлось основным поставщиком товаров, пользовавшихся большим спросом как на российском, так и на европейском рынках. Покровительствуя торговле азербайджанских купцов, русское правительство предусматривало предоставление существенных льгот купцам из Сефевидской империи, в том числе и Азербайджана, преследуя при этом определенные цели, и, прежде всего, расширение русско-восточной торговли на территории северных областей Сефевидской империи. Подтверждением этому является изданный в России 22 апреля 1667 г. Новоторговый устав, отразивший меркантилистскую политику Русского государства.

Обоюдное стремление правителей этих государств укрепить торгово-экономические отношения проявлялось характерным для того времени щедром одариванием друг друга. Товары, преподносимые в виде подарков, являлись формой более или менее эквивалентного торгового обмена. При этом, товары, посылаемые в виде даров, являлись «заповедными», т.е. их купля-продажа исключалась для обычных купцов. Все грамоты правителей России и Сефевидской империи явно констатируют о наличии дипломатической формулы по обмену дорогими товарами, подтверждением чему служит следующий документ, где говорится: «... брата бы нашего люди, послы и посланники приходили к нам в наше государство безо всякого опасения и поминки бы дорогие, что у брата лучитца к нам присылал, и мы потому ж учнем к брату своему посылать

своих послов и посланников безо всякого сумнения в его государство, а что у нас лучитцы, и мы так же к брату своему учнем поминки дорогие посылать» [10, т. I, 96]. Стоимость подарков скрупулезно подсчитывалась, и обменивавшиеся стороны старались «одарить» друг друга равноценными вещами.

Активное участие в этом торговом обмене принимали ширванские беглярбеки, стараясь в «дарах» царю преподносить такие товары, которые особенно ценились в России – шёлк, ткани, ковры, сабли, скакунов и т.д. Номенклатура подарков была самой разнообразной.

Так, в росписи товаров от шамахинского хана царю Алексею Михайловичу в 1662 г. были посланы в следующие товары:

«500 зарбафтов цветных и серебряных
500 дорогов (дараи) кашанских цветных
20 дорогов (дараи) красных
9 кисей белых арапских
9 ансырей шёлку Шамахинского цветного
9 киндяков
5 скакунов» [4.37, л. 43].

В 1665 г. русскому царю были привезены товары с аналогичным наименованием Наджиб Кули ханом из Шамахи, а в 1667 г. – Аббас Кулибеком [4.41, л. 19].

В свою очередь, русское правительство, отправляя с посольствами и купцами дары сефевидскому шаху, не забывало и ширванского беглярбека. Интересно, что в некоторых архивных документах перечисляются царские дары лишь ширванскому беглярбеку, что подчёркивает об особом отношении и заинтересованности к Ширвану.

Как правило, прибывшие в Россию азербайджанские купцы подавали в Посольский приказ «росписи» то-

варов, необходимых шамахинскому беглярбеку [4.41, л. 19]. Основную их часть составляли меха, особенно соболиные, которые заказывались в большом количестве. Соболиный мех высоко ценился в Азербайджане, и продажа его, по свидетельству иностранцев, была «прибыльным делом» [35, 494]. Соболиные меха являлись «заповедным» товаром, о чём свидетельствует грамота от 1621 г., в которой воспрещалась продажа «не токмо хороших птиц, но и лучших соболей, лисиц, горностаев и белок, дабы не одешевить через то посылаемых... подарков» [4,5, л. 31]. По свидетельству Родеса, право вывоза из России мехов давалось только царским купцам [112, 157]. Меха в русско-азербайджанской торговле в этот период являлись своего рода эквивалентом денег, о чём писали иностранцы, находившиеся на службе в России. Они отмечали высокую стоимость «мягкой рухляди»⁵¹ [26, 44] и царскую привилегию на ее вывоз в Сефевидскую империю. Интересно, что в Торговой книге XVII в. зафиксированы не только виды пушнины, место их отправки, но и общая стоимость, что говорит об их высоком спросе и товарообороте. Соболиные меха были «по всем землям в цене...» [42. 8, л. 157]. В 1663-1665 гг. были посланы соболя на 26800 рублей, а пушков собольих – на 60000 рублей, что составляло по тем временам огромную сумму [38, 1413].

Русские послы, направлявшиеся к сефевидскому двору, останавливались в Шамахе и часто одаривали беглярбека и его приближённых дорогими мехами. Об этом записано в статейном списке посла Милославского, где записано, что, будучи в Ширване они «отнесли хану в почесть соболей на шездесят на шесть рублей, везирию – на 30 на два рубля, назирию на 20 на один рубль...» [4.38, л.

23]. Другой посол Степан Чириков отметил в отчёте в Посольский Приказ, что он подарил сыну ширванского беглярбека соболиные меха [4.47, л. 305].

Шахские послы и купцы только по особым царским грамотам могли покупать в России так называемые «заповедные товары», которыми считались золото, серебро, медь, железо, олово, стрелы, топоры и пр. [154, 38]. «А заповедных никаких товаров, – говорится в одном документе, – торговать тезикам... в Астрахани... не велено, а послам и купчинам заповедные товары велено давать покупать повольно» [154, 77]. Как видно, ограничения в отношении торговых сделок запретными товарами касались только непривилегированной прослойки купечества. Но частные азербайджанские купцы находили способ вывозить эти товары в Россию контрабандным путём.

Одним из таких товаров считался табак, являвшийся царской монополией и приносивший огромные доходы. Указами 1634, 1649, 1654 годов продажа, употребление и даже «держание» у себя табака [13, т. III, 116] сурово каралось [3, л. 35]. По этому поводу в одном из архивных документов записано: «...если будет табак при осмотре не пропускать... приказывать, чтоб они табаку в Астрахань не возили, потому что наперед сего они иноземцы на табаке в Астрахани и во всех русских городах збирали⁵² многие серебряные деньги и вывозили из Московского государства в свои земли и от того многие их люди богатели» [4.39, л. 57]. Следует подчеркнуть, что Тайный приказ завёл даже особые дела на лиц, покупавших табак [4.56, л. 119]. Основными поставщиками табака в Русское государство были шамахинские купцы, которые на своих бусах привозили его в Астрахань [4.45, л.

30; 4.41, л. 329; 4.43, л. 193], что было очень рискованно, ибо при таможенном осмотре табак конфисковывали и отдавали «в государеву казну» [4.45, л. 30]. В дальнейшем был издан ещё один специальный указ о запрете продажи табака, чтоб «малороссийских городов от Черкасс и Персидские земли от купеческих людей и от товар впредь табачной продажи не было» [4.56, л. 2]. Однако, несмотря на то, что даже курение табака в России в XVII в. было строго запрещено, его нелегальная продажа производилась повсеместно, так как он пользовался большим спросом.

Во второй половине XVII в. расширяется сфера интересов торговли азербайджанского купечества, которое наряду с Россией стремится выйти на более выгодные рынки сбыта в странах Запада, для чего необходимо было разрешение царского правительства на провоз товаров через территорию России. Среди купцов Сефевидской империи, получивших такое разрешение, азербайджанские купцы составляли большинство. В Астраханских таможенных книгах за 1676 г. из 40 купцов треть составляли шамахинцы, дербендцы, тебризцы [4.51, л. 18; 4.40, лл. 1, 2]. В своих челобитных купцы просили «государя» разрешить везти им товары «в немецкие земли», а потом отпустить «с золотыми и с ефимками назад в кызылбашскую землю» [99, т. I, 49].

Как известно, в связи с политической обстановкой азербайджанским купцам выгоднее было торговать с Россией и со странами Западной Европы, нежели с Османской империей, с которой Сефевиды с конца XVI века до 1639 г. вели кровопролитные войны. Поэтому они просили царя «... чтоб те прибыльные торговли славным были в твоём великого государя Российском государстве, а не в

турских... вели государь нам дать свою великого государю грамоту...» [4.51, л. 7]. Кроме того, стремление азербайджанских купцов торговать в России было связано с тем, что последняя избегала крутых мер, «дабы тех иноземцев заморских не отогнать» [13, т. II, 132]. В этой связи наблюдался большой приток азербайджанских купцов, занимавших доминирующее положение в русско-восточной торговле. По данным источников, за период с 1654 по 1680 гг. в Астрахани было сосредоточено значительное число купцов из Шамахи, Баку, Дербенда и Гиляна [1.2; 1.6].

Заинтересованность России в получении прибыли от торговли с прикаспийскими областями Азербайджана явилась стимулом для расширения и развития русско-азербайджанских торгово-экономических связей на всем протяжении XVII века. В Москве хорошо знали шамахинский «большой торг», где на продажу выставляли, в основном, шёлк-сырец. Поэтому накануне его открытия воеводам русских городов рассылались предписания всячески содействовать русским купцам к участию на открытии «большого торгога». В этом отношении представляет интерес, посланный в Казань и Астрахань царский указ, где говорится, что «отнюдь никакого задержанья бояре и воеводы не учинили, чтобы ... поспеть к Успеневу дни Пречестие Богородицы в Шемаху, потому что де со всего Персидского государства к тому времени шолк привозят в Шемаху» [4.51, 496]. О заинтересованности Русского государства в шёлке-сырце свидетельствует и Договор, заключенный в 1667 г. с Новоджувльфинской компанией, купцы которой привозили в Россию из Ширвана и Гиляна, главным образом, шёлк-сырец. Как явствует из архивного документа, к членам этой компании в

Астрахани присоединялось немало азербайджанских купцов из Шамахи. Так, «17-го февраля (1666), в 21 день били челом вместе с кызылбашенины шемахинец Мамедюсуб Касимов сын Вагидов..., просили они возить через Московское государство к Архангельскому городу шёлк-сырец...» [4.51, л. 51]. Азербайджанские купцы вывозили шёлк-сырец и в страны Западной Европы, в связи с чем в источнике говорится: «... бил челом Шемахинского хана посланец Миримбек Ходжа Вагидов, был он у Архангельского города и за морем с шёлком-сырцом и хочет ехать в Шамаху весною...» [4.51, л. 4].

Основной товарооборот Сефевидского и Русского государств осуществлялся по Волжско-Каспийскому пути, что, объяснялось преимуществом морской торговли перед караванной. Водный путь был намного короче и относительно безопаснее, а также превосходил объёмом товарооборота. Кроме того, купцы освобождались от дополнительных расходов за ночлег в придорожных караван-сараях. Особое место в прикаспийской торговле принадлежало Азербайджану. В связи с этим вопросы развития торгового судоходства на Каспии представляет особый интерес.

Мореплавание по Каспию в изучаемый период затрагивались в трудах ряда дореволюционных [150; 8; 9; 11; 46] и советских исследователей [52; 74; 77; 94]. Однако, касаясь каспийской торговли, эти авторы обходили стороной эволюцию торгового судоходства на Каспии, хотя имеется множество архивных материалов о строительстве судов специально для Каспийского моря, о найме иностранцев для строительства кораблей и морской службы.

Исходным пунктом на Каспийском море, через который Россия могла вести обширную торговлю как с Сефевидской империей и Средней Азией, так и с другими странами Востока, был город Астрахань. В целях поддержания торговых отношений с прикаспийскими областями русское правительство стало заботиться об организации более или менее регулярного сообщения между Астраханью и портами Каспийского моря, объявив Каспийское мореходство делом «государским». Существующее в Астрахани государственное учреждение «Деловой двор» занималось строительством судов, предназначенных для ведения каспийской торговли и обеспечения ее безопасности. Но вследствие постоянных нападений морских грабителей размеры торговли часто ограничивались. Вопросы о грабежах нашли широкое отражение в дипломатической переписке обоих государств, зачастую с подробным перечнем ограбленного товара и ущерба, нанесенного тем или иным купцам [4.20, л. 12; 4.24, л. 147; 4.43, л. 81]. Так, шамахинский беглярбек Хосров хан неоднократно писал астраханским воеводам о принятии ими мер по поводу ограбления кызылбашских торговых людей под Баку. Как явствует из архивного документа, у купцов отбирали не только товар, но и частные суда [4.43, л. 81].

На протяжении XVII в. походы казаков на Каспийское море были частым явлением. По данным С.М.Соловьева, донские и яицкие казаки, разоряли прибрежные области Сефевидской державы [150, т. IX, 211]. От главных портов Каспийского моря Баку, Ниязабада и Гиляна отправлялись с товарами купеческие суда в Астрахань. Этот торговый путь был очень выгоден и для обеспечения необходимыми товарами прибрежных жителей. Од-

нако постоянные грабежи мешали торговле между Русским и Сефевидским государствами. Особенно остро этот вопрос стоял в середине XVII в., когда обе державы оказались по этому поводу на грани конфликта. Несмотря на то, что был издан суровый царский указ «казнить казаков смертью безо всякой пощады...» [4.20, л. 281], грабежи не прекращались, ещё более подрывая каспийскую торговлю [4.24, л. 153]. Объектом ограбления становились в основном торговые суда сефевидских, в том числе и азербайджанских купцов [4.24, л. 153], что наносило ущерб торговому судоходству, которое и «без того находилось в незавидном состоянии» [46, 34].

Суда, плавающие по Каспийскому морю, были как царские, т.е. государственные, так и частные. Русские купцы пользовались государственными бусами, находившимися в ведении «Делового двора» Астрахани. В Сефевидской же империи это предприятие не было монополизировано шахом. Зажиточные купцы имели свои суда, именуемые в архивных документах как «тезицкие», «кызылбашские» [4.45, л. 272; 1.6]. Описывая состояние торговых судов и судостроения в Сефевидской державе, путешественники XVII в. Пьетро делла Вале, Томас Герберт и другие подчеркивали их низкий уровень. По их мнению, мелководие Каспийского моря определило плоскодонность судов. Однако, по словам исследователя М.Х.Гейдарова, «основные причины отставания заключались в социально-экономических и в не меньшей степени естественно-исторических условиях удаленности Азербайджана от больших морских путей. Страна стояла в стороне от передового производственного опыта мирового судостроения» [75, 241]. Сырье для строительства судов в Сефевидском государстве приобретали, главным

образом, в лесах юго-западных прикаспийских областей. Томас Герберт в 20-х годах XVII в. писал, что здесь он видел «большие плоскодонные торговые суда с мачтами и парусами, грузоподъёмность самых крупных которых не превышала 30 тонн» [75, 245].

Интересно, отметить, что жители Ниязабада несли особую повинность – ежегодно должны были строить для шаха несколько судов. По словам А.Олеария, для этой цели «сырье доставлялось с большими трудностями за несколько десятков километров» [28, 241]. Но несмотря на это русские государственные суда имели большие преимущества перед частными, так как были более мощными и оснащались маленькими пушками. Их называли «стругами» или «бусами». По описанию Корнели де Брюина, российское «судно имело две небольшие пушки, могло вмещать до 250 тонн и имело три руля – сзади, по одному с каждой стороны. Корабль снабжался обыкновенно одним большим парусом, который удваивался при хорошем ветре, вследствие чего он не в состоянии был делать разные повороты, если не помогать при этом веслам» [37, т. III, 207]. Как правило, суда сопровождали так называемые «служилые люди» и отряды стрельцов, особенно, когда на судах отправлялись послы и посланники. В этом случае специальные указы царя городским воеводам гласили, чтобы «суды, если будут хороши в них же отпустить, а если худы переменить», а также «суды и судовые всякие снасти к посольскому отпуску были готовы» [4.45, л. 272]. Как выясняется из архивных материалов, такие указы касались не только русских послов, но и шахских купчин и посланников шамахинского беглярбека [4.20, л. 235 об; 4.45, л. 272].

Несмотря на технические недостатки русских судов всё же они были надёжнее, чем сефевидские. По этой причине местные купцы, зная о ненадежности своих маломощных судёнышек, обращались к русскому царю с просьбой о постройке для них новых. Как явствует из архивного документа от 1637 г., купцы Сефевидской империи обратились к царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой: «... сделать в Астрахани государёвы бусы и на тех бусах государевым ратным людям стрельцам с ружьями и пушкарями и пищалями для оберегания от воровских казаков на море... и те бусы из Астрахани посылать со своими государственными ратными людьми и с нашими товаришками через море в Кызылбашскую землю...» [4.14, л. 2]. В этом же прошении купцы жаловались на то, что их суда не выдерживают нападений разбойников, их «громят и товар емлют и проезду (им) морем и степью не стало от воровских казаков...», поэтому они, «... иноземцы вконец погибли и одолжали великими долгами...». Прося помощи у русского царя, купцы подчеркивали, что «...морской ход тяжел и убыточен...» [4.14, л. 2] и обещали за аренду судов платить пошлину. Таких прошений было немало, и они характеризуют плачевное состояние Каспийского торгового судоходства в исследуемый период.

Караваны торговых судов направлялись по Волжско-Каспийскому пути в Астрахань, являвшейся перевалочным пунктом для купцов. На пристани начальник судна сообщал городскому воеводе, ведавшему судами, о своём прибытии. Таможенники тут же проводили осмотр и опись товара, облагая его пошлиной. После этого разрешалось разгружать бусу [5, т. V, 267]. Все суда, плывшие из Астрахани в Сефевидское государство или по Волге вглубь Московского государства, загружались пря-

мо с гостиного двора под надзором таможенного главы, деятельность которого всегда строго контролировалась боярами и воеводами, «... чтоб на суды ниоткуда лишних товаров в привозе не было...» [4.49, л. 57]. Если же при осмотре обнаруживались «заповедные товары», то их конфисковывали и отдавали на хранение ларинному ценовальнику,⁵³ а на обратном пути эти товары возвращались хозяину. По словам Яна Стрейса, царь получал с Астрахани большие доходы вследствие обложения большой пошлиной на ввозимые и вывозимые различные товары [40, 93].

Доминирующее положение русского судоходства на Каспийском море позволяло русским властям получать дополнительные доходы от аренды судов иностранными купцами. Царское правительство всячески отклоняло просьбы о постройке судов для иностранных частных лиц. Как свидетельствует из архивного документа, шамахинский купец Мирза Юсуф, обратившись с просьбой о строительстве для него судов и обязуясь при этом оплатить все расходы, получил категорический отказ, так как «... в том деле великому государю будет в казне великая убыль и доведетца купцам нанимать бусы, а не самим делать, а то они хотят бусы делать для своей корысти» [4.46, л. 266]. Как видно, правители Русского государства, не желая иметь конкурентов на Каспийском море, стремились, чтобы иностранные купцы, особенно сефевидские, арендовали суда Астраханского «Делового двора», внося за это в казну соответствующую плату. Стремясь к монополизации торгового судоходства на Каспийском море, русское правительство понимало, что для осуществления этой задачи необходимо было начать строить бо-

лее мощные суда, способные выдержать любую непогоду и отразить нападения грабителей.

По словам русского политика и публициста XVII в. Юрия Крижанича, «правительство сознавало необходимость выхода к морскому побережью, развития судостроения для торговли и ее защиты» [107, 382]. Даже иностранцы указывали на убытки, которые несла Россия из-за отсутствия мощного флота на Каспийском море [9, ч. I, 69].

Первый русский корабль, предназначенный для плавания по Каспийскому морю, был построен ещё в 1636 г. голштинцами, заключившими в том же году договор с царём Михайлом Фёдоровичем о транзитной торговле с Сефевидами. Голштинского герцога интересовал шёлк, «... в то время почитавшийся в Европе самую выгодную и как этим предметом изобиловала Персия, то он предложил войти с нею в прямые торговые сношения» [4.52]. Русское правительство охотно приняло это выгодное для неё предложение, так как Голштиния обязалась не только платить высокую пошлину в царскую казну за транзит через Русское государство, но и построить свои суда для плавания по Каспийскому морю. По условиям договора, Голштиния должна была построить в России десять кораблей, предназначенных для торговли по Волжско-Каспийскому пути, а это, в свою очередь, способствовало бы также изучению русскими мастерами опыта европейских корабельных мастеров. Был издан специальный указ царя, чтобы «голландцы корабли делали в царского величества земле и от русских плотников корабельного мастерства не таить и не скрывать» [4.52, л. 56].

Первое судно, построенное голштинцами под руководством мастера М.Кордеса, было названо в честь герцога «Фредерик». Это было плоскодонное судно длиной 120, шириной 40 футов, с 3 мачтами, 24 вёслами и пушками для защиты [99, т. II, 3]. Путешественник А.Олеарий, находившийся на «Фредерике» в качестве сотрудника плившего на корабле голштинского посольства, писал, что «... персы-мореходцы осматривали наш корабль и удивлялись его грозности и говорили, что «Кюльзюм»⁵⁴ с тех пор как на нём плавают суда никогда ещё не видел такого громадного корабля» [28, 460]. Однако первое плавание корабля оказалось гибельным для него. 14 ноября 1636 г. корабль, подплывая к азербайджанским берегам, разбился близ города Ниязабад [5, т. V; 14, т. III, 2].

Несмотря на неудачу русские власти не оставили своих намерений, так как политика европейских государств, заинтересованных в торговле с прикаспийскими областями и стремившихся занять доминирующее положение на Волжско-Каспийском пути, в корне противоречила интересам России, которая сама хотела утвердиться здесь и создать сильный флот на Каспийском море. Наряду с этим частые нападения казаков на караваны судов отрицательно сказывались на взаимоотношении двух государств, нанося ощутимый ущерб, прежде всего, торговым связям. Именно эти факторы предопределили конкретные действия царя Алексея Михайловича, который в 1669 г. издал Указ о сооружении флота на Каспийском море.

Большую ценность в изучении этого вопроса представляет архивный документ, в котором имеются сообщения о строительстве специально для Каспийского моря

корабля и яхты в с. Дединове Коломенского уезда [4.56]. Не имея своих мастеров – корабельщиков, московское правительство вынуждено было пригласить иностранных специалистов, в частности голландцев, которые, будучи искусными в кораблестроении, за большую сумму охотно взялись за это дело. Организационную работу по строительству корабля провел голландец Давид Ботлер, которого царь Алексей Михайлович пригласил принять участие, обещая назначить капитаном.

Несмотря на личную заинтересованность самого царя, а также большое участие одного из инициаторов строительства флота, доверенного советника царя Ордина-Нащокина, который в наказах к боярам и воеводам подчеркивал, что «корабельный персидский ход и промысль принесёт немалую прибыль» [4.56, л. 26], строительство корабля встречало на каждом шагу множество препятствий – не было плотников, иностранцам не выдавали деньги на пропитание, многие морские снасти приходилось завозить из Голландии. И все же корабль, названный русским царём «Орёл», был спущен на воду в апреле 1667 года, через полгода после начала строительства. Вскоре были готовы яхта, бот и две шлюпки. Перед спуском корабля на воду, по указу царя, Давид Ботлер полностью осмотрел его, объявив в Посольский приказ, что «... корабль и яхта в плавание морское пригодно, будет против всякого неприятеля который противился царского величества корабельному плаванию и этому кораблю по Хвалимскому морю ходить будет мочно...» [4.56, л. 26]. Команда капитана включала 20 иностранцев, в Казани к ним присоединились 35 нижегородских стрельцов. Парусный мастер и мореплаватель Ян Стрейс, будучи на этом корабле, в своём труде подробно описал

плавание «Орла» в Астрахань. Почти за 4 месяца он доплыл до Астрахани, но здесь из-за мятежей казаков простоял на причале 9 месяцев, после чего по приказу Разина корабль был сожжён повстанцами, так и не увидев Каспийского моря.

Таким образом, попытка русского царя Алексея Михайловича создать на Каспийском море вооруженный флот не увенчалась успехом и вплоть до правления Петра I таких шагов больше не предпринималось. Вместе с тем строительство флота в с. Дединове ещё раз продемонстрировало стремление Русского государства к утверждению на Каспийском море и расширению торгово-экономических связей с Сефевидской империей, прежде всего с его богатейшими областями – азербайджанскими беглярбекствами. Азербайджано-русские торговые отношения в силу сложившейся политической ситуации и экономических интересов России все больше выходили за рамки сефевидско-русских связей, которые по сравнению с предыдущими столетиями, в XVII в. приняли более интенсивный характер.

В последней четверти XVII в. Сефевидская держава переживала глубокий политический и особенно экономический упадок. В исторической литературе бытует мнение, что одной из причин упадка экономики Сефевидской империи в целом было отклонение главных путей транзитной сухопутной торговли в связи с интенсивным использованием морского пути в Индию через Африку, открытого ещё в конце XV в. Васко де Гаммой [133, 296; 134, 296]. Не оспаривая это положение добавим, однако, что это распространялось лишь на те города, которые непосредственно находились на караванных путях. Вместе с тем, опираясь на данные русских архивных ма-

териалов, мы можем констатировать тот факт, что отклонение караванных путей ничуть не ущемляло доходы городов северной части Сефевидской империи, в частности азербайджанских городов – **Дербенда**, Баку, Сальян, Астары, **Шамахи**, Ниязабада. Благодаря выгодному географическому расположению прикаспийские города Азербайджана в последней четверти XVII в. не только не утратили, но и приобрели ещё большее значение [51, 58], так как в них сосредотачивалась торговля товарами, пользующимися высоким спросом и привозимыми сюда из разных стран. Не случайно, что в то время, когда Сефевидская империя клонилась к упадку, наблюдался наплыв русских купцов в Ширван, особенно в Шамаху. Заметим, что немногим позднее правительство Петра I, учитывая интерес русских купцов к шамахинскому рынку, а также регулярностью здесь торговых сделок русских купцов и сравнительную близость Азербайджана к южным границам России, подняло вопрос об утверждении первого русского консульства именно в Шамахе [54, 51; 117, 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Азербайджанское государство Сефевидов было создано усилиями азербайджанских тюркских племён во главе с шахом Исмаилом I. Оно развивалось и окрепло в XVI в. как азербайджанское государство. Руководящая роль в нём принадлежала азербайджанской военной знати; при дворе Сефевидов и в войске говорили на азербайджанском языке, в основном соблюдались азербайджанские традиции. Но с последнего десятилетия XVI в. по ряду причин социально-экономического и политического характера, а так же политики шаха Аббаса I в целях укрепления собственной власти в политическом статусе Сефевидской империи наблюдается крен в сторону иранских элементов. Большое влияние на этот процесс оказали два фактора: захват в конце XVI в. Османской империей на ощутимый промежуток времени большей части территории Азербайджана и перенесение столицы из Азербайджана вглубь Ирана. Однако, с уверенностью можно сказать, что это несколько не говорит о перерождении Сефевидского государства из азербайджанского в иранское, т.к. находившаяся у власти династия Сефевидов с момента основания государства вплоть до его падения была азербайджанского происхождения, что в определенной степени способствовало процессу сохранения его как азербайджанского государства. В рамках же обширной Сефевидской империи в XVII в. благодаря удоб-

ному географическому расположению между Западом и Востоком, наличию природных богатств, развитию ремесел, городов и торговли Азербайджан не только продолжал сохранять своё ведущее торгово-экономическое и политическое значение, но и занимал доминирующее положение во всех структурах этой державы. В период османо-сефевидских войн конца XVI века потеря богатейших азербайджанских областей не только лишала империю колоссальных доходов, поступающих из торгово-ремесленных центров Азербайджана, но и ослабляла её в политическом отношении.

Занятие Османской империей прикаспийского региона заметно беспокоило и русские деловые круги, выражавшие особое недовольство приближением турецких войск к границам России и укреплением их позиций на западном побережье Каспийского моря, что давало возможность турецкому командованию контролировать весь Волжско-Каспийский путь. А это наносило ощутимый урон русско-восточной, в том числе, и русско-азербайджанской торговле. Таким образом, Южный Кавказ в особенности Азербайджан с его геополитической значимостью становится в этот период объектом пристального внимания не только Османской империи, но и Русского государства, для которого Азербайджан представлял огромный интерес как в торговом, так и в стратегическом отношениях, являясь удобным плацдармом в борьбе с турецкими и крымскими войсками.

Обоюдные торговые и внешнеполитические интересы Русской и Сефевидской держав способствовали их сближению. Видя враждебное отношение правителей Русского государства к османам и их заинтересованность в изгнании турецких войск за пределы Южного Кавказа,

сефевидские власти выдвинули заманчивое для России предложение – взамен военной помощи заполучить в «вечное владение» важнейшие в стратегическом отношении североазербайджанские города на Каспии – Дербенд и Баку, а также узловой торговый центр Шамаху. Однако, из-за сложной внешней и внутривосточной обстановки Русское государство не рискнуло идти на прямое военное столкновение с мощной в то время Османской державой. Одновременно, стремясь не упустить свой шанс в этой ситуации, Россия всячески склоняла Сефевидскую империю на войну с Турцией, обещая оказать ей военную помощь. Затянувшиеся длительные переговоры не принесли каких-либо результатов, а в 1639 г., когда сефевиды добились полной победы над османскими войсками без содействия России, вопрос о передаче ей указанных городов более не обсуждался.

В мирный период в Азербайджане создались относительно приемлемые условия для оживления хозяйственной жизни, ремесел и особенно торговли. Немаловажное значение имело развитие торговли по Волжско-Каспийскому пути, чему способствовала активизация деятельности русского и местного купечества, а это предопределяло Азербайджану вновь занять особое положение в политической и хозяйственной жизни Сефевидской империи.

В административном отношении Сефевидская держава продолжала подразделяться на беглярбекства, среди которых азербайджанские беглярбекства – Тебризское (Азербайджанское) и Гарабагское (Гянджинское) граничили с Османской империей, а Ширванское – находилось недалеко от России и имело тесные с ней торгово-экономические связи.

Несмотря на заметное оживление торговых связей по окончании османо-сефевидских войн в 50-х годах XVII в. ограбление ширванских купцов на Северном Кавказе и казачьи разбои на Каспийском море привели к обострению отношений между двумя государствами. В то же время конфликт усугублялся и другими обстоятельствами.

На рубеже XVI-XVII вв. Сефевиды в период военных действий с Османской империей в силу сложившихся обстоятельств, не возражали против строительства Русским государством на Северном Кавказе, на реке Терки и Сунжу, опорных пунктов. Однако, после победы над Турцией, когда вся территория Азербайджана была освобождена собственными силами, и ситуация изменилась в пользу Сефевидов, последние были обеспокоены укреплением русского царизма на Северном Кавказе и в Дагестане, всячески стараясь ослабить его позиции. В этой связи неоднократно совершался поход сефевидских войск на Северный Кавказ под командованием Ширванского Хосров хана для ликвидации построенных там небольших русских крепостей. В то же время обе стороны хорошо понимали, что усугубление конфликта могло нанести ущерб дипломатическим и уже налаженным взаимовыгодным торговым отношениям, а это противоречило интересам обеих сторон, особенно Русского государства. Напряженные отношения с Западом не позволяли ему разворачивать свои силы на востоке. Поэтому в 1662 г. оба государства пошли на компромисс, и конфликт был улажен.

Данный период отличается особым стремлением русского правительства к установлению самостоятельных связей с Ширваном, считая ширванских беглярбеков наи-

более выгодными торговыми партнёрами. В свою очередь, пользуясь ослаблением центральной власти, азербайджанские беглярбеки часто проводили обособленную политику. Сефевидские шахи, учитывая важное географическое и стратегическое значение Ширванского беглярбекства, являвшегося своего рода мостом между двумя государствами, из всех беглярбекств своей обширной империи, придавали ему особое значение, держа в поле зрения действия ширванских беглярбеков.

В конце 60-х годов XVII в. западные и южные берега Каспийского моря, в особенности территория азербайджанских беглярбекств подвергались грабительским нападениям казаков во главе со Степаном Разиным. Эти действия вызывали серьёзное беспокойство со стороны сефевидского шаха и русского царя, так как наносили огромный ущерб не только торговле в регионе, но и политическими взаимоотношениям. Вся дипломатическая переписка данного периода была насыщена предложениями о совместной борьбе против казачьих разбоев на Каспии.

В последней четверти XVII в. – периода общего ослабления Сефевидской державы – значение Азербайджана в области международной торговли значительно возрастает. Как известно, одной из причин экономического упадка стран Ближнего Востока в целом и, следовательно, Сефевидской империи в этот период было отклонение главных путей транзитной сухопутной торговли после налаживания морского пути в Индию через Африку. Однако это ничуть не ущемляло доходы городов Азербайджана, связанных с Волжско-Каспийской магистралью. Такие азербайджанские города, как Баку, Дербенд, Сальян, Лянкяран, Астара и Шамаха в этот период не только не утратили своей роли, но приобрели ещё

большее значение в транзитной торговле между Востоком и Западом, особенно между Азербайджаном и Русским государством.

Среди факторов, придающих Азербайджану особый статус в международной торговле, было изобилие здесь шёлка-сырца, крайне необходимого для развивающейся не только русской, но и западной мануфактурной промышленности. Вывозимый в огромных количествах из Азербайджана в Россию, а оттуда в страны Западной Европы шёлк-сырец приносил большие доходы в русскую казну в виде пошлинных сборов. Через города Азербайджана русское купечество поддерживало так же транзитную торговлю со многими странами Востока, вплоть до далёкой Индии.

Заинтересованность русского правительства в торговле с прикаспийскими областями диктовала необходимость более или менее регулярного и безопасного сообщения между Астраханью и портами Каспийского моря. Поэтому одной из насущных задач этого периода было улучшение и развитие торгового судоходства на Каспийском море. Хотя конкретные действия Русского государства по созданию судов не увенчались успехом, однако, уже были заложены предпосылки для дальнейшего расширения и упрочения торгово-экономических и политических сфер влияния России в прилегающих к Каспийскому морю странах, в частности в Азербайджане. При этом в силу сложившихся исторических обстоятельств азербайджано-русские торгово-экономические отношения все больше выходили за рамки русско-сефевидских связей, приобретая более интенсивный и самостоятельный характер, о чём свидетельствует открытие в даль-

нейшем при Петре I первого русского консульства именно в Азербайджане – в Шамахе.

Таким образом, в изучаемый период Азербайджан по своему политическому, социально-экономическому и геостратегическому положению в системе Сефевидской империи занимал доминирующее положение, в связи, с чем зависимость его от центральной власти в конце XVII в., как правило, носила номинальный характер. Эта децентрализация с усилением центробежных сил азербайджанских феодалов, приведшая к народным волнениям положила начало процессу образования на территории Азербайджана в середине XVIII в. независимых государственных объединений – ханств, являвшихся следующим этапом в истории развития азербайджанской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ Статейные списки – разновидность официального делопроизводства XV-XVII веков в Русском государстве. Официальные отчёты русских послов. Содержат сведения о государстве, в котором находилось посольство, его государственном строе, политической и экономической жизни.
- ² Грамота – царское письмо, в дальнейшем рескрипт, свидетельство на пожалование лицу права владений, награды и т.д.
- ³ Наказы – инструкция, предписание, наставления.
- ⁴ Отписка – уведомление, донесение или письменный отчёт.
- ⁵ Буса – небольшое судно XVII века, с острым носом, округлом дном, с набивными досками по бортам.
- ⁶ Кызылбаши – Сефевидское государство.
- ⁷ Сандаlex – средневековое береговое турецкое небольшое судно с одной мачтой и большим рейковым парусом.
- ⁸ Учать – начать.
- ⁹ Пищали – средневековое огнестрельное оружие.
- ¹⁰ Поступитца – уступить.
- ¹¹ Гулямы – регулярная кавалерия, созданная в период военных реформ шаха Аббаса I.
- ¹² Фирман – шахское письмо, указ.
- ¹³ Медресе – мусульманская средняя школа.
- ¹⁴ Мектебы – мусульманская начальная школа.
- ¹⁵ Оттоманская империя – Османская империя.
- ¹⁶ Московиты – купцы из Московского государства.
- ¹⁷ Николи – никогда.
- ¹⁸ Любительные поминки – подарки, дары.
- ¹⁹ Воевода – военачальник, предводитель войска.
- ²⁰ Койсу – река в Дагестане.
- ²¹ Сунжа – река и городок на Северном Кавказе.
- ²² Терский городок – город на р. Тереке, первый пограничный после Астрахани город Московского государства в XVIII веке на Кавказе.

-
- ²³ Голштиния – Герцегство в Германии.
- ²⁴ Емлют – отбирают.
- ²⁵ Хвалынское море – Каспийское море.
- ²⁶ Бадкубе – Баку.
- ²⁷ Фарабат – город в Мазандаранской области в Сефевидском государстве.
- ²⁸ Тезик – мелкий торговец в Сефевидском государстве.
- ²⁹ Поденный – ежедневный.
- ³⁰ Челобитная («бить челом») – в делопроизводстве России XV – нач. XVIII вв. просьбы или жалобы, подававшиеся центральным или местным властям. Основная форма обращения к царю.
- ³¹ Ратные люди – войско, ополчение.
- ³² Уздень – гонец.
- ³³ Умысля – задумать.
- ³⁴ Переславая – изменить кому-либо.
- ³⁵ Имеется в виду Сефевидское государство.
- ³⁶ Новоджувльфинская компания – образована шахом Аббасом I для своих торговых целях из числа купцов-армян, который пользуясь его покровительством открывали свои конторы в других странах. Основной предмет экспорта – шёлк-сырец. К концу XVII века их торговля пришла в полный упадок.
- ³⁷ Толмач – переводчик.
- ³⁸ Тафта шамохейская – один из видов шелковой ткани, обычно клетчатой, производимой в Шамахе.
- ³⁹ Пестряди ардебильские – группа полосатых хлопчатобумажных или грубых шелковых тканей. Центр производства в XVII веке – Ардебиль.
- ⁴⁰ Юфти – шелковая ткань.
- ⁴¹ Шамарханского – т.е. Шамахинского.
- ⁴² Не скудная – т.е. немалая.
- ⁴³ Камка – шёлковая ткань с цветными узорами. Центр производства в XVII веке – Шамаха.
- ⁴⁴ Дараи – ткань, сходная с тафтой, большей частью полосатая или клетчатая, иногда с золотыми, серебряными и шелковыми деревцами, травками. Центр производства – Шамаха, Тебриз.
- ⁴⁵ Зарбафт – ткань, производимая из высококачественного шёлка, с ведением в него тонкого пряденного или ленточного золота или серебра.

ра. Ею украшали окна, двери, резиденции дворцов шаха, шили нарядные одёжды.

⁴⁶ Киндяк – ткань, сходная по качеству с дараи.

⁴⁷ Зендени – бумажная ткань, как правило, светло-жёлтого цвета.

⁴⁸ Лал – драгоценный камень рубин.

⁴⁹ Аргамаки – порода быстрых и лёгких верховых лошадей.

⁵⁰ Многижда – множество.

⁵¹ Мягкая рухлядь – меха.

⁵² Збирать – брать, собирать.

⁵³ Целовальник – приказчик; ларинный целовальник, –приказчик, у которого хранились конфискованные в таможе товары.

⁵⁴ Кюльзум – в русских архивных документах иногда называется Каспийское море.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории Академии наук России (Архив СПб. Института РАН). Астраханская приказная палата, ф. 178.
 - 1.1. единица хранения (ед. хр.) №1782.
 - 1.2. ед. хр. №1755.
 - 1.3. ед.хр. №2267.
 - 1.4. ед.хр. №2625.
 - 1.5. ед.хр. №6062-6063.
 - 1.6. ед.хр. №1777-1786.
2. Архив Артиллерийского исторического музея (Санкт-Петербург), ф. 1 Пушкарский приказ, оп. 1, д. 60.
3. Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел письменных источников (ОПИ), ф. 450, 1606-1680, д. 80.
 - 3.1. Архив Уварова, картон 2, арх. 41/41.
4. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Фонд 77. Сношения России с Персией, оп. I.
 - 4.1. 1588, д. 1, 2.
 - 4.2. 1588-1593, кн. I.
 - 4.3. 1590-1595, д. 3, ч. VI.
 - 4.4. 1593-1594, кн. V.

- 4.4a. 1595, д. 2.
- 4.5. 1621, д. 1.
- 4.6. 1621-1624, д. 1.
- 4.7. 1623, д. 1, 2.
- 4.8. 1624, д. 2.
- 4.9. 1625, д. 1, 2.
- 4.10. 1626, д. 1.
- 4.11. 1629, д. 3.
- 4.12. 1635, д. 2.
- 4.13. 1636, д. 1.
- 4.14. 1637, д. 3, 5.
- 4.15. 1638, д. 2, ч. I.
- 4.16. 1644-1645, д. 1.
- 4.17. 1647-1648, д. 3.
- 4.18. 1647-1650, д. 1.
- 4.19. 1649, д. 2, 3.
- 4.20. 1649-1650, д. 12.
- 4.21. 1650, д. 1, 2, ч. I, II.
- 4.22. 1650-1652, д. 2.
- 4.23. 1651, д. 1.
- 4.24. 1652, д. 2, ч. I.
- 4.25. 1652, д. 3.
- 4.26. 1653, д. 4.
- 4.27. 1653, д. 5.
- 4.28. 1653, д. 6.
- 4.29. 1653, д. 1.
- 4.30. 1653, д. 3.
- 4.31. 1653, д. 5, ч. I.
- 4.32. 1653, д. 4, ч. I.
- 4.33. 1653, д. 4, кн. XIV.
- 4.34. 1658, д. 1.

- 4.35. 1658, д. 13.
- 4.36. 1662, д. 1, кн. I.
- 4.37. 1662, д. 1, кн. IV.
- 4.38. 1664, д. 3.
- 4.39. 1665, д. 1.
- 4.40. 1665, д. 5.
- 4.41. 1665-1667, д. 2, ч. XVIII.
- 4.42. 1668, д. 1.
- 4.43. 1671, д. 2.
- 4.44. 1672, д. 1.
- 4.45. 1675, д. 3.
- 4.46. 1678, д. 2.
- 4.47. 1678-1682, д. 1.
- 4.48. 1697, д. 1.
- 4.49. Фонд 1104. Астраханская приказная палата, 1676, д. 1.
- 4.50. Фонд 110. Сношения России с Грузией, 1658, д. 1, ч. I.
- 4.51. Фонд 100. Сношения России с Арменией, 1666, д. 1, 1666-1674, д. 1, кн. II.
- 4.52. Фонд 51. Сношения России с Голштинией, 1634, д. 1.
- 4.53. 1639, д. 2а.
4. 54. Фонд Кумыщкие дела, 1651, д.б.н.
- 4.55. Фонд Кумыщкие и Тарковские дела, 1651, д.б.г., 1653, д.б.н.
- 4.56. Фонд 159. Приказные дела новой разборки (ПНДР), 1678, д. 642, 346.
- 4.57. Фонд 142. Приказные дела старых лет (ПДСЛ), 1680, д. 319.
- 4.58. Фонд 138, оп. 3, кн. 11.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

5. Акты исторические (АИ), собранные и изданные Археологической комиссией, тт. I-V. СПб., 1841-1842.
6. Аврил Филипп. Извлечения из путешествия Аврил Филиппа (пер. с франц. языка С.Б.Ашурбейли), инв. №477. Научный Архив Института Истории Национальной Академии наук Азербайджана (далее НАИИ).
7. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлечённые из Московского Главного архива министерства иностранных дел, вып. 1 (1578-1613). М., 1889.
8. Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1832.
9. Веселаго Ф. Очерк русской морской торговли. СПб., ч. I, 1875.
10. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. I. СПб., 1890; т. II. СПб., 1892; т. III. СПб., 1898.
11. Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства вообще. СПб., 1864.
12. Домострой. По списку Имперского общества истории и древностей Российских. М., 1882.
13. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией, т. V, №80, 1842.
14. Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских по истории, географии и генеалогии российская касающиеся. Изданная Николаем Новиковым, издание второе. М., 1788.
15. Закарий Акулисский. Дневник. Ереван. 1939.

16. История фамилии Зийядоглы до XVIII в., изложенная Мухаммедом Масумом Хуласет-ас-сейяр. Рукопись библиотеки им. Салтыкова Щедрина. Каталог Дорна, №303.
17. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. Перевёл с немецкого Алексей Станкевич. М., 1896.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского, сочинения Карамзина Н.М., кн. III, т. IX. СПб., 1845.
19. Кемпфер Э. Сведения о прикаспийских областях (пер. М.А.Байбаковой) НАИИ НАН, ф. 1, оп. 9, д. 5091.
20. Книга Персидских Товаров. Русская историческая библиотека, т. XXIII, кн. III. СПб., 1904.
21. Корнели де Брюин. Извлечение из путешествия Корнели де Брюина (перевод с франц. языка Абезгуза), инв. №480 НАИИ.
22. Костомаров Н.И. очерки торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях. СПб., 1862.
23. Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. Собр. соч., кн. I, т. II. СПб., 1900.
24. Краткий очерк истории русской торговли с древнейших времен до царствования Екатерины II, вып. I. Киев, 1898.
25. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
26. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского в 1606. М., 1913.
27. Материалы для истории русского флота, ч. IV. СПб., 1867.

28. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (пер. А.М.Ловягина). СПб., 1906.
29. Описание России, изданное анонимно в Голландии в 1630 г., 1826.
30. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, ч. I, т. II. СПб., 1852.
31. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), т. I-X. СПб., 1830-1845.
32. Полное собрание русских летописей, изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1853.
33. Попов А.А. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857.
34. Попов А.А. О построении корабля «Орла» в государство царя Алексея Михайловича. М., 1858.
35. Посольство Конрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
36. Путешествие одного миссионера (пер. с фран. языка). Абезгуза, инв. №475. НАИИ НАН Азербайджана.
37. Путешествие Корнели де Брюина. Чтения в обществе истории и древностей Российских, т. III. 1812.
38. Русская Историческая Библиотека (РИБ), издаваемая Императорской Археографической Комиссией. СПб., 1907.
39. Собрание государственных грамот и договоров (СГГид), т. V-VI. СПб., 1910.
40. Стрейс Я. Три путешествия (перевод Э.Бородиной). М., 1935.
41. Суханов А. Проскинитарий. Православный Палестинский сборник, т. VIII, вып. 3. СПб., 1898.

42. Торговая Книга. Временник Московского общества истории и древностей Российских, VIII, 1850.
43. Форстер Дж. Путешествие из Бенгалии в Англию... Лондон, 1798.
44. Челеби Э. Книга путешествия, вып. 3. М., 1983.
45. Чулков М.М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времён до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной..., сочиненное Михайло Чулковым (в 7 томах). СПб., М., 1785.
46. Штылько А. Волжско-Каспийское судоходство в старину. СПб., 1890.
47. Хождение купца Федота Котова в Персию. Публикация Н.А.Кузнецовой. М., 1958.

ИССЛЕДОВАНИЯ

48. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.
49. Абдурахманов А.Г. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку, 1964.
50. Алиев Ф.М. Вопросы происхождения азербайджанского народа на страницах истории и культуры Азербайджана // Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры Азербайджана. Баку, 1978.
51. Алиев Ф.М. Место Азербайджана в международной торговле в XII в. // Сборник материалов по экономической истории Азербайджана. Баку, 1959.

52. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения, ч. I. Баку, 1985.
53. Алиев Ф.М. Города и городская торговля в Азербайджане во второй половине XVIII в. // Труды Института истории АН Азерб. ССР, т. XVII, 1980.
54. Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П.Волынского в Азербайджане. Баку, 1979.
55. Алиев Ф.М. Мосты, овданы и караван-сарай на службе торговли. ДАН Азербайджанской ССР, 1957, №3.
56. Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку, 1960.
57. Ализаде А. Некоторые сведения о Ширване (до начала XIII в.) // Известия АН Азербайджанской ССР, 1947, №12.
58. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. (перевод. с англ. языка Ю.В.Готье). М., 1937.
59. Антонова К.А. Русско-индийские связи в XVII в. Сб. Россия и Индия. М., 1986.
60. Ашурбейли С.Б. Азербайджано-индийские культурные отношения. Баку, 1990.
61. Ашурбейли С.Б. Баку XVI-XVIII вв. по описаниям путешественников // Изв. АН Азерб. ССР, 1946, №1.
62. Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку (VII – начало XIX вв.). Баку, 1964.
63. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI-XVII вв.). Баку, 1983.
64. Бакданова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. М., 1928.

65. Бакиханов А.А. Происхождение племён, населенных в нынешней Закавказской провинции // Газ. «Кавказ», 1884, №1.
66. Бакиханов А.А. Гюлистан-и-Ирам. Редакция, комментарии, примечания и указатели академика АН СССР З.М.Буниятова. Баку, 1991.
67. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
68. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2. Л., 1925.
69. Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.
70. Бердзенешвили Н.А., Дондуа В.Д. Грузия // Очерки истории СССР. М., 1955.
71. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1586-1612 гг. (по русским архивам). М., 1976.
72. Воробьёва А.Г. К вопросу пребывания С.Разина в Азербайджане и в Персии // Изв. АН Азерб. ССР, 1983, №3.
73. Всемирная история, т. IV-V. М., 1958-1960.
74. Гейдаров М.Х. О товарах ремесленного производства, вывозимых из Азербайджана по Волжско-Каспийскому пути в XVII в. // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. 1965, №5.
75. Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. Баку, 1967.
76. Гейдаров М.Х. О системе и количестве феодальных торгово-пошлинных сборов в Азербайджане в XVII в. // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права, 1968, №1.

77. Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв. Баку, 1982.
- 77.1. Гейдаров М.Х. Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье. Баку, 1999.
78. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVII вв. Саратов, 1923.
79. Греков В.Д. Очерки по истории Новгородского Софийского дома XVI-XVII вв. // Летопись Археологической комиссии, вып. 33. Л., 1926.
80. Гулиев А.Н. Новые данные о пребывании Степана Разина в Азербайджане // ДАН Азербайджанской ССР, 1958, т. XIV, №3.
81. Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV-XVIII вв. // Общество по распространению политических и научных знаний. Баку, 1958.
82. Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. М., 1925.
83. Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения XV-XVII вв. Баку, 1963.
84. Желтяков А.Д., Чочиев В.Г. Ирано-турецкие войны XVI-XVIII вв. // Советская историческая энциклопедия, т. VI. М., 1965.
85. Заозерский А.И. Царская вотчина. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937.
86. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под редакцией А.Г.Манькова. Л., 1968.
87. Зевакин Е.С. Очерки по истории Азербайджана и Ирана XVI-XVII вв., ч. I. Баку, 1938.
88. Зевакин Е.С. Азербайджан в XVIII в. Баку, 1939.

89. Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях в XVII в. // Исторические записки, 1940, №8.
90. Зевакин Е.С., Полиевктов М. К истории прикаспийского вопроса // Труды сектора истории ЗакФАН СССР, вып. V. Тифлис, 1933.
91. Зонненштраль-Пискорский А.А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931.
92. Зубашева-Корнилович О.А. Сношения Руси с Персией. Томск, 1912.
93. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1925.
94. История Азербайджана, т. III., (XIII-XVIII вв.). Баку, 1996.
95. Историческая география Азербайджана. Баку, 1987.
96. История Грузии, т. I. Тбилиси, 1962.
97. История СССР, т. I. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956.
98. История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
99. История торговли и промышленности в России, т. II, вып. IX. СПб., 1913.
100. Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981.
101. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв., т. I. М., 1957.
102. Кашин В.Н. Торговля и торговая политика в Московском государстве. Л., 1926.
103. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России. М., 1925.
104. Козубский Е.И. История Дербенда. Темир-хан-Шура, 1906.

105. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1903.
106. Крестьянская война под предводительством Степана Разина // Сборник документов, тт. I-III. М., 1954-1962.
107. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
108. Кузнецова Н.А. Первая русская сводная работа по истории русско-иранских отношений // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, вып. 89. М., 1963.
109. Куканова Н. Очерки истории русско-иранских торговых отношений в XVI – первой половине XIX вв. Саранск, 1977.
110. Кулишер И.М. Международные торговые договоры, ч. I-II, 1922.
111. Курбанова Ч. Шёлк Азербайджана в торгово-дипломатических отношениях правительства шаха Аббаса I со странами Западной Европы // Известия АН Азербайджанской ССР., сер. истории, философии и права, 1977, №1, 5.
112. Курц Б.Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
113. Кушева Е.Н. Яицкое казачество // Очерки истории СССР, XVII в. М., 1955.
114. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв. М., 1963.
115. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв. Махачкала, 1954.

116. Марицкий И.Ю. Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968.
117. Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII в.). Б., 1989.
118. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII века). Баку, 1991.
119. Мамедов С.А. Азербайджан по источникам XV – первой половины XVIII вв. Баку, 1993.
120. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX-XVIII вв., М., 1905.
121. МесхиаШ.А., Цинцадзе Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X-XVIII вв. Тбилиси, 1958.
122. Миклухо-Маклай И.Д. К вопросу о налоговой политике Ирана при шахе Аббасе I (1587-1629) // Советское востоковедение. 1949, №6.
123. Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912.
124. Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968.
125. Новосельский А.А., Чаев Н.С. Крестьянская война под предводительством С.Разина // Очерки истории СССР, XVII в. М., 1955.
126. Новосельцев А.Н. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. // История СССР, 1959, №1.

127. Новосельцев А.Н. Русско-иранские отношения XVII первой половине XVIII века в зарубежной историографии // История СССР, 1960, №3.
128. Новосельцев А.Н. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
129. Новосельцев А.Н. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. СПб. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. Экономика, политика, культура. М., 1966.
130. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.
131. Пажитнов К.А. Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М., 1940.
132. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI-XVII вв. // Сб. статей по истории Азербайджана, вып. I. Баку, 1949.
133. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1959.
134. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М. История Ирана с древнейших времён до конца XVIII в. Л., 1958.
135. Полиевктов М.А. Посольство князя Мышцецкого и дьяка Ключарёва в Кахетию в 1640-1642 гг. Тифлис, 1928.
136. Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
137. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

138. Попко И. Терские казаки со стародавних времён. СПб., 1880. Покорённый Кавказ. Владикавказ, 1901.
139. Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961.
140. Путешествия русских послов в XVI-XVII вв. Под ред. Д.С.Лихачёва. Статейные списки. Л., 1964.
141. Рахмани А.А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.
142. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII вв. Баку, 1981.
143. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. // Документы и материалы. Махачкала, 1958.
144. Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958.
145. Сахаров А. Степан Разин. Л., 1968.
146. Сеидова Г.М. Азербайджан в архивных документах конца XVI в. по материалам ф. 77. РГАДА // Известия АН Азербайджанской ССР, серия истории, философии и права, 1984, №2.
147. Сеидова Г.М. Место Азербайджана в системе Сефевидской империи в XVII веке // Известия АГПУ, 2007, №3, с. 111-115.
- 147а. Сеидова Г.М. К истории торгово-пошлинных взаимоотношений Азербайджана и России в XVII // *Azərbaycan gömrüyü: tarixi ənənələr və müasirlik*. Bakı, Elm, 2007.
- 147б. Сеидова Г.М. Из истории русского торгового судостроения на Каспийском море в XVII веке и Азербайджан // *Азербайджан и азербайджанцы*, №5, XII, 2007.
148. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958.

149. Смирнов П.П. Новое челобитье московских торговых людей иноземцев. Киев, 1912.
150. Соловьев С.М. История России с древнейших времён, тт. III, IV, V. М., 1961.
151. Степанов И. Крестьянская война в России 1670-1671 гг. Восстание С.Разина. Л., 1966.
152. Тихонов А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII вв. М., 1955.
153. Фарзалиев А.М. Южный Кавказ в конце XVI века, осmano-сефевидское соперничество. Санкт-Петербург, 2002.
154. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.
155. Чистякова Е.В. Новоторговый Устав 1667 г. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
156. Шпаковский А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI-XVII вв. Киев, 1915.
157. Эфендиев О.А. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961.
158. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981.
159. Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII-XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР, 1978, №6.

Исследования на азербайджанском языке

160. Baxşəliyev A.B. Səfəvilər dövründə Azərbaycanın Cənub şəhərləri. Tarix elm. dok. avtoref. BDU, Bakı, 2005, s. 42.

161. Onullahi S.M. XIII-XVII əsrlərdə Təbriz səhərinin tarixi. Bakı, 1982.
162. Fərzəlibəyli Ş.F. Azərbaycan və Osmanlı imperiyası. Bakı, 1999.

Исследования на иностранных языках

163. Savory M. Roger, Iran under the Safavids. Cambridge-London, 1980.
164. Sykes P. A History of Persia. London, 1921.
165. Lockhart L. The Fall of Safavi Dinasty and the Afqan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.
166. Tadhkirat al Muluk (a Manuel of Sefevid administation) (circa 1137/1725). Persian text in facsmile translated and explained by V.Minorsky. London, 1943.
167. Charden. Youages du Chevalier Charden en Perse; vol. 2. Paris, 1911.
168. Roemer H.R. The Safavid Period, History of Iran, vol. 6. Cambridge University Press, 1986, p. 190.

**AZƏRBAYCAN XVII ƏSRDƏ SƏFƏVİ
İMPERİYASININ RUS DÖVLƏTİ İLƏ TİCARƏT VƏ
SİYASİ MÜNASİBƏTLƏRİNDƏ**
(rus mənbələri əsasında)

XÜLASƏ

Son orta əsrlərdə Yaxın Şərqi ən iri dövlətlərindən olan Azərbaycan Səfəvilər dövlətinin 200 ildən artıq bir dövrü əhatə edən tarixinin sənədlər əsasında öyrənilməsi tədqiqatçıların daim diqqət mərkəzində olmuşdur. Bu dövlət Azərbaycan dövlətçiliyinin 5000 ilə yaxın inkişaf tarixində layiqli yer tutur. Türk mənşəli Səfəvi nəslindən olan Ərdəbil şeyxləri uzun və gərgin mübarizə nəticəsində şimalda Qafqaz dağlarından başlayaraq cənubda Fars körfəzinədək, qərbdə Fərat çayından şərqdə Amu-Dərya çayınadək olan **3,3 mln.** kv. kilometrlik ərazini əhatə edən nəhəng bir imperiya yarada bilmişdilər. Məlum olduğu kimi dövlətin əsası Səfəvi şeyxlərinin varisi, istedadlı sərkərdə İsmayıl tərəfindən qoyulmuşdur. Çox bacarıqlı siyasətçi olan İsmayıl Azərbaycanın türk rumlu, şamlu, qacar, əfşar, ustaclu, zülqədər, təkəlu və digər tayfa əyanlarını ətrafında cəm edərək öz fəthləri zamanı, eləcə də dövlət quruculuğu işlərində onlara arxalanmışdır. XVI əsrdə Azərbaycan dövləti kimi inkişaf

edərək, möhkəmlənmişdi. Bu işdə Azərbaycanın əyanları hərbi rəhbər rolu oynamışlar; Səfəvi sarayı və orduda Azərbaycan dilində danışılır, əsasən Azərbaycan adət-ənənələrinə riyayət olunurdu.

Lakin XVI əsrin sonuncu onilliyindən etibarən bir sıra sosial-iqtisadi, siyasi səbəblər, eləcə də I Şah Abbasın öz hakimiyyətini möhkəmlətmək siyasəti yürütmək səbəbindən Səfəvi imperiyasının siyasi statusunda İran elementlərinə meyl müşahidə olunurdu. Bu prosesə iki amil güclü təsir göstərirdi: paytaxtın Azərbaycandan İranın içərilərinə köçürülməsi və XVI əsrin sonunda Azərbaycanın böyük bir ərazisinin Osmanlı imperiyası tərəfindən qısa müddətə işğal edilməsi. Lakin əminliklə demək olar ki, bu heç də Səfəvi dövlətinin Azərbaycan dövlətindən İran dövlətinə çevrilməsi demək deyildi. Çünki hakim Səfəvi sülaləsi azərbaycan əsilli idi ki, bu da dövlətin azərbaycanlı xarakterini qoruyub saxlaması prosesinə müəyyən qədər kömək etmişdi. Böyük Səfəvi imperiyasının sərhədləri daxilində, Qərblə Şərq arasında əlverişli coğrafi ərazidə yerləşməsi, zəngin təbii sərvətləri, sənətkarlığın, şəhərlərin və ticarətin inkişaf etməsi sayəsində Azərbaycan özünün aparıcı ticarət-iqtisadi və siyasi əhəmiyyətini saxlamağa bərabər bu dövlətin bütün strukturlarında ən yüksək mövqeləri əldə etmişdi. XVI əsrin sonunda osmanlı-səfəvi müharibələri dövründə ən zəngin Azərbaycan vilayətlərini itirməsi imperiyayı azərbaycanın ticarət-sənətkarlıq mərkəzlərindən daxil olan gəlirdən məhrum etməklə bərabər, onu siyasi cəhətdən də zəiflətdi.

Xəzəryanı bölgələrin Osmanlı ordusu tərəfindən tutulması türk qoşunlarının Rusiya sərhədlərinə yaxın-

laşmasından və onların Xəzər dənizinin qərb sahillərində mövqelərini möhkəmlətməsindən xüsusi narazılıqlarını bildirən rus işgüzar dairələrini də çox narahat edirdi. Çünki bu göstərilənlər Osmanlı komandanlığına bütün Volqa-Xəzər dəniz yoluna nəzarət etməyə imkan verirdi ki, bu da Rusiya ilə Şərqi arasında, eləcə də Rusiya ilə Azərbaycan arasında ticarətə nəzərə çarparaq ziyan vururdu. Beləliklə, özünün geopolitik əhəmiyyəti ilə Cənubi Qafqaz, xüsusilə də Azərbaycan bu dövrdə yalnız Osmanlı imperiyasının daimi diqqət obyektinə çevrilmir. Onun üçün yalnız ticarət və iqtisadi baxımdan deyil, eləcə də strateji baxımdan böyük maraq kəsb edən, onun cənub sərhədlərini pozan türk və kırım orduları ilə mübarizədə əlverişli dayaq nöqtəsi olan Azərbaycanı Rusiya dövləti də həmişə diqqət mərkəzində saxlayırdı.

Qarşılıqlı ticarət və xarici siyasi maraqları Rusiya və Səfəvi dövlətlərinin yaxınlaşmasına səbəb oldu. Rusiya dövlət başçılarının Türkiyəyə qarşı düşmən münasibətini və onların türk qoşunlarının Cənubi Qafqaz ərazisindən çıxarılmasında maraqlı olduğunu görən Səfəvi hökmdarları Rusiya üçün şirnikləndirici bir təklif Şimali Azərbaycanın çox böyük strateji əhəmiyyətə malik olan Xəzərsahili şəhərləri-Dərbənd və Bakını, eləcə də başlıca ticarət mərkəzi olan Şamaxını göstərilən hərbi yardımın əvəzində ömürlük Rusiyaya vermək təklifini irəli sürdülər.

Lakin mürəkkəb xarici və daxili siyasətli vəziyyəti nəzərə alan Rusiya dövləti qüdrətli Osmanlı dövləti ilə birbaşa hərbi yardım münaqişəyə girməyə cürət etmədi. Yaranmış vəziyyətdə imkanı əldən verməməyə çalışan Rusiya hərbi yardım göstərəcəyini vəd etməklə Səfəvi

dövlətini hər vəchlə sonuncu ilə müharibəyə sürükləyirdi.

Uzun sürən danışıqlar heç bir nəticə vermədi və 1639-cu ildə Səfəvilər Rusiyanın yardımını olmadan Osmanlı qoşunlarının Azərbaycandan tamamilə qovulub çıxarılmasına nail oldular və elə buna görə də yuxarıda adları çəkilən şəhərlərin ona verilməsi məsələsi bir daha müzakirə olunmadı.

Osmanlı ordusunun qovulmasından sonra təsərrüfat həyatının, sənətkarlığın xüsusilə də ticarətin canlandırılması üçün Azərbaycanda qismən də olsa əlverişli şərait yarandı. Volqa-Xəzər dəniz yolunun ticarətin inkişafında böyük rolu oldu ki, bu da rus və yerli tacirlərin fəallığının artmasına yardım etdi. Bu da öz növbəsində Azərbaycanın yenidən Səfəvi imperiyasının siyasi və təsərrüfat həyatında xüsusi mövqə tutmasına səbəb oldu.

Bu dövrdə Səfəvi dövləti inzibati baxımdan hələ də bir neçə bəylərbəyliyə bölünürdü ki, Azərbaycan bəylərbəylikləri Təbriz (Azərbaycan) və Qarabağ (Gəncə) bəylərbəylikləri Osmanlı imperiyası ilə həmsərhəd idi. Şirvan isə Rusiyaya yaxın idi və onunla sıx ticarət-iqtisadi əlaqələr saxlayırdı.

Osmanlı-Səfəvi müharibələrinin sonuna yaxın ticarət əlaqələrinin nəzərə çarpacaq dərəcədə canlanmasına baxmayaraq, XVII əsrin 50-ci illərində Şimali Qafqazda Şirvanlı tacirlərin soyulması və Xəzər dənizində kazak soyğunları Səfəvi və Rusiya dövlətləri arasında münasibətlərin kəskinləşməsinə gətirib çıxardı. Eyni zamanda münaqişənin əsl səbəbləri digər şərtlər ucbatından daha da dərinləşdi.

XVI-XVII əsrlərdə Osmanlı imperiyası ilə hərbi əməliyyatlar apardığı zaman yaranmış vəziyyətlə bağlı Səfəvilər Rusiya dövlətinin Cənubi Qafqazda Terki və Sunca çayları üzərində dayaq məntəqələri tikməsinə etiraz etmədi. Lakin Türkiyə üzərində qələbə çaldıqdan, Azərbaycan ərazisi öz qüvvələri hesabına tamam azad olunduqdan və vəziyyət Səfəvi imperiyasının xeyrinə dəyişdikdən sonra sonuncu, rus çarizminin Şimali Qafqaz və Dağıstanda möhkəmlənməsindən narahat olaraq hər vəchlə burada onun mövqelərini zəiflətməyə çalışırdı. Bununla bağlı Şirvan bəylərbəyi Xosrov xan başda olmaqla Səfəvi qoşunları tikilmiş kiçik rus qalalarını dağıtmaq üçün dəfələrlə Şimali Qafqaza yürüş etdi.

Eyni zamanda hər iki tərəf yaxşı başa düşürdü ki, münaqişənin dərinləşməsi diplomatik və artıq qurulmuş, hər iki tərəf üçün sərfəli ticarət əlaqələrinə də ziyan vura bilərdi. Bu da hər iki tərəfin, xüsusilə də Rusiya dövlətinin maraqlarına zidd idi; o dövrdə qərblə gərginləşmiş əlaqələr ona öz qüvvələrini şərqə doğru genişləndirməyə imkan vermirdi. Bu səbəbdən, 1662-ci ildə hər iki dövlət güzəştə getdi və münaqişə aradan qaldırıldı.

Göstərilən dövr Rusiya dövlətinin Şirvanla müstəqil əlaqələr yaratmağa can atması ilə fərqlənir. Çünki o, mərkəzi hökumətin zəifləməsindən istifadə edərək çox vaxt təkbaşına siyasət yeridən Şirvan bəylərbəyliyi daha sərfəli ticarət tərəfdaşı hesab edirdi. Böyük Səfəvi imperiyasının bəylərbəylikləri arasında Səfəvi və Rusiya dövlətləri arasında körpü rolunu oynayan Şirvan bəylərbəyliyi coğrafi və strateji əhəmiyyətini nəzərə alaraq Səfəvi şahları ona xüsusi diqqət yetirirdi.

XVII əsrin 60-cı illərinin sonunda Xəzər dənizinin qərb və cənub sahilləri, xüsusilə Azərbaycan bəylərbəyliklərinin əraziləri bölgədə ticarətə böyük zərbə vuran Stepan Razinin başçılıq etdiyi kazakların hücumuna məruz qalırdı. Bütün bunlar Səfəvi şahı və rus çarının ciddi narahatlığına səbəb olmuşdu.

Bu dövrə dair bütün diplomatik yazışmalar Xəzərdə kazak hücumlarına qarşı birgə mübarizəyə dair cümlələrlə doludur. XVII əsrin sonuncu rübündə-Səfəvi dövlətinin zəiflədiyi bir dövrdə Azərbaycan beynəlxalq ticarətdə rolu xüsusilə artmışdı.

Məlum olduğu kimi, ümumilikdə XVII əsrin sonuncu rübündə Yaxın Şərqlə ölkələrində, eləcə də Səfəvi imperiyasında iqtisadiyyatın tənəzzülə uğramasının başlıca səbəblərindən biri hələ XV əsrdə Vasko de Qamma tərəfindən Afrikadan Hindistana açılmış dəniz yolunun salınmasından sonra əsas tranzit quru ticarəti yollarının kənarında qalması idi. Lakin bu Azərbaycan şəhərlərinin Volqa-Xəzər dəniz yolu ilə əldə etdiyi qazanca ziyan vurmurdu. Azərbaycan şəhərləri, ilk növbədə Dərbənd, Bakı, Salyan, Lənkəran, Astara və Şamaxı əlverişli coğrafi ərazidə yerləşdiyinə görə bu dövrdə nəinki, öz rolunu itirmədi, əksinə Şərqlə Qərb arasında, xüsusilə də Azərbaycanla Rusiya dövləti arasında tranzit ticarətdə daha böyük əhəmiyyət kəsb etdi.

Volqa-Xəzər ticarətində Azərbaycanın rolunu artırmağa kömək edən amillər arasında ilk növbədə Azərbaycanın təkcə Rusiyanın deyil, eləcə də Qərbin manufaktura sənayesinin inkişafında hədsiz zəruri olan xam ipəklə zəngin olması idi. Digər tərəfdən Azərbaycandan Rusiyaya, onun ərazisindən isə Qərbi Avropa ölkələrinə

aparılan xam ipək rüsüm şəklində rus xəzinəsinə böyük gəlirlər gətirirdi. Azərbaycan Rusiya üçün daha böyük əhəmiyyət kəsb edirdi. Belə ki, rus tacirləri onun şəhərləri vasitəsilə ta uzaq Hindistana qədər Şərqi digər ölkələri ilə tranzit ticarəti aparırdılar.

Rusiya hökumətinin Xəzəryanı vilayətlərlə ticarətdə maraqlı olması Həştərxanla Xəzər dənizi limanları arasında az ya çox dərəcədə daimi və təhlükəsiz əlaqələrin vacibliyini tələb edirdi. Buna görə də bu dövrün ən aktual məsələlərindən biri Xəzər dənizi hövzəsində ticarət gəmiçiliyinin yaxşılaşdırılması və dəniz ticarətinin sonrakı inkişafı idi. Rus dövlətinin XVII əsrdə Xəzərdə gəmiçiliyi təşkil etmək üçün göstərdiyi konkret şəylər boşa çıxsa da, onun Xəzərsahili-dövlətlərdə, xüsusilə Azərbaycanda möhkəmlənməsi, ticarət, iqtisadi və siyasi təsir dairəsinin genişlənməsi üçün əsas qoyulmuşdu. Yaranmış tarixi şəraitlə bağlı Azərbaycanla Rusiya arasındakı ticarət iqtisadi münasibətlər getdikcə Səfəvi-Rusiya əlaqələri çərçivəsindən çıxaraq daha intensiv olaraq müstəqil xarakter alırdı ki, sonralar, I Pyotrun dövründə Şamaxıda ilk rus konsulluğunun açılması buna sübutdur.

Beləliklə, öyrənilən dövrdə öz siyasi-iqtisadi və geostrateji mövqeyinə görə Səfəvi imperiyası sisteminin digər vilayətləri arasında Azərbaycan üstün mövqə tuturdu ki, elə bu səbəbdən XVII əsrin sonunda Mərkəzi hökumətdən asılılıq nominal xarakter daşıyırdı. Mərkəzəqaçan feodal qüvvələrinin güclənməsi ilə bu mərkəzdənqaçma XVIII əsrin ortalarında Azərbaycan ərazisində bir prosesin-müstəqil dövlət birlikləri-xanlıqların yaranması prosesinin əsasını qoydu.

**AZERBAIJAN IN MUTUAL TRADE AND POLITICAL
RELATIONS OF SAFAVID EMPIRE AND RUSSIAN
STATE IN THE XVII CENTURY
(on russian achieves)**

SUMMARY

Azerbaijan by the right can be called a cradle of the Safavid state, which had been created by efforts of Turkic-speaking tribes of shamlu gajar, afshar, ustajlu, zulgadar and tekelu with shah Ismail I in the head and consequently developed and had got stronger as Azerbaijani one in the XVI century.

The leading role in it belonged to Azerbaijani military noblemen; at Safavid court yard and in the army was spoken the Azerbaijani language; the Azerbaijani traditions were observed on the whole. But since the last decade of the XVI century for a variety of social, economic and political reasons and also for a policy of shah Abbas I with a view of strengthening his authority in the political status of Safavid Empire a move towards the Iranian elements am observed. The big influence on this process rendered two factors; transferring of the capital of Azerbaijan to remote part of Iran and seizure of the most part of the Azerbaijani territory on an appreciable interval of time by the Ottoman empire at the end of the XVI century.

However, can be told with confidence that it doesn't say at all about Tran's formation of Safavid state from Azerbaijani into Iranian since the dynasty of Safavids being in power was of the Azerbaijani origin, that in the certain degree promoted the process of preservation of the state its Azerbaijani character. In the frame works of extensive Safavid Empire, due to a convenient geographical location between the West and the East, presence of natural resources, growth of crafts, cities and trade Azerbaijan not only continued to keep her leading trade and economic and political importance, but also occupied a predominant position in all structures of this power.

At the end of the XVI century during the Ottoman – Safavid wars loss of the richest Azerbaijani areas not only deprived the empire of the enormous incomes got from the trading – craft center of Azerbaijan, but also weakened her in political respect.

Occupation of the region alongside the coasts of the Caspian sea by Turkish armies has also obviously disturbed the Russian business circles, expressing their particular dissatisfaction with the approach of Turkish troops to borders of Russia and with their strengthening positions at the western coast of the Caspian sea, enabled the Turkish command to control all Volga-Caspian way and inflicted a lot of losses on Russian-east, including on Russian-Azerbaijan trade. Thus, Southern Caucasus, in particular Azerbaijani with her geopolitics importance had become during this period the object of steadfast attention not only of the Ottoman empire, but of the Russian state for which Azerbaijan represented a huge interest not only in trade and economic, but also in strategic re-

lations, being strong foothold in struggle with Turkish and Crimean troops, continuously breaking its southern borders.

Mutual trading and foreign policy interests of Russian and Sefavid states promoted approximation spirit of the powers. In particular, seeing the hostile attitude of Russian governors to Turkey, their interest to excile Turkish troops from the limits of Southern Caucasus, the Safavid authorities had brought the tempting offer for Russia – instead of military aid the northern Azerbaijani cites of major strategic importance on the Caspian sea-Darband, Baki, as well as the basic trading center Shamakhy to give to Russia for eternal possession.

However, because of difficult external and internal political situation the Russian state had not risked to go on direct military conflict with powerful Ottoman state. At the same time, aspiring not to miss chance in this circumstances, Russia in every possible way talked the Safavid Empire over war with the latter, promising to render military aid.

Long negotiations did not bring any results, and in 1639 the Safavids achieved full expulsion of Turkish troops from Azerbaijan without assistance of Russia. Therefore, the question on giving her of the above said cities was not discussed any more.

After withdrawal of Ottoman troops relatively acceptable conditions for revival of an economic life, crafts and especially trade were created in Azerbaijan.

Important value had the growth of trade on the Volga-Caspian way that promoted activizatón of work of Russian and the local merchants, that brought about Azerbaijan to occupy again an important position in political and economic life of the Safavid Empire.

In the administrative relation the Safavid state during this period continued to be subdivided on some beylarbeyats, among which the Azerbaijan beylarbeyats of Tabriz (Azerbaijani) and Garabagh bordered with Ottoman Empire, and Shirvan beylarbeyats was near to Russia and had close trade and economic relations with her.

Despite of noticeable revival in trade relations by the end of Ottoman-Safavid wars, in the 50s of XVII century the robbery of merchants from shirvan in Northern Caucasus and robberies created by Cossacks on the Caspian sea had led to Straining of relations between Safavid and Russian states.

At the same time the true reason of the conflict was aggravated with other circumstances.

On the boundary of the XVI-XVII centuries during the military actions with Ottoman empire in the territory of Southern Caucasus by virtue of developed circumstances the Safavids did not object to construction of strong points by Russian state in Northern Caucasus on the rivers of Terki and Sunju.

However, after the victory over Turkey, when all territory of Azerbaijan had been released by own forces, and the situation had changed in favour of Safavid empire, the latter had been concerned about strengthening of Russian tsarism in Northern Caucasus and in Daghestan trying to weaken its positions in every possible way.

In this connection, for liquidation of the constructed small Russian fortresses was repeatedly made the campaign of Sefavid troops on Northern Caucasus under command of beylarbey of Shirvan Khosrov khan.

At the same time, both parties understood well, that aggravation of the conflict could damage diplomatic, already

adjusted mutually advantageous trade relations, that contradicted interests of both sides, especially of Russian state, intense relations with the West which at the moment did not allow developing the forces in the East. Therefore, in 1662, both states made a compromise and the conflict was settled.

The given period differs in particular for aspiration of Russian government to the establishment of independent ties with Shirvan, in this considering the beylarbeys of Shirvan the most favorable trade partners, who using the weakening of the central authority often carried out the special Policy of Safavid shahs taking into account important geographical and strategic value of Shirvan beylarbeyats being some kind of bridge between the Safavid and Russian states from all other beylarbeyats of the huge Safavid empire attached a great importance to it.

At the end of 60 of the XVII century the western and southern coasts of the Caspian sea, in particular, the territory of the Azerbaijani beylarbeyats were exposed to attack of Cossacks led by Stepan Razin, who rendered damage on trade in the region. These actions seriously troubled the Safavid shah and the Russian tzar.

All diplomatic correspondence of the given period is full of with offers on joint struggle against the cossock robberies on Caspian Sea.

Significance of Azerbaijan has especially increased in the field of inter national trade in the last quarter of the XVII century – during the weakening of the Safavid state. As it is known one of the reasons of economic decline of the Near East countries as a whole, and hence of the Safavid empire in the last quarter of the XVII century was a deviation of the main ways of transit over land trade after the adjustment of a

sea way to India through Africa, opened at the end of the XV century by Vasco de Gamma.

However it did not restrain at all incomes of the Azerbaijani cities connected with the Volga-Caspian way.

The Azerbaijan cites, first of all Darband, Baki, Salyan, Lankaran, Astara and Shamakhy, due to a favorable geographical position not only had not lost the role during this period, but had got even more importance in transit trade between the East and the West, especially between Azerbaijan and the Russian state.

Among the factors in promoting value of Azerbaijan in the Volga-Caspian trade, first of all, it is necessary to specify the abundance of row silk in Azerbaijan, that was necessary for developing not only Russian, but also the western manufactory industry. On the other hand, raw silk taken out of Azerbaijan to Russia and through her territory to the countries of the Western Europe brought the big incomes to Russian treasury as duty gatherings.

Importance of Azerbaijan for Russia grew even more, since through its cities Russian merchants had achieved transit trade with other countries of the East, up to far from India.

Interest of Russian government in trade with coastal areas of the Caspian sea dictated necessity of more or less regular and safe communications between Astrakhan and ports of the Caspian sea. Therefore, one of essential problems of this period was improvement of trade navigation and the further development of sea trade in the basin of the Caspian sea. Though concrete actions of Russian state on creation of navigation on the Caspian sea in the XVII century had not been successful, however basis for consolidation and the further expansion in trade, economic and political spheres of influ-

ence of Russia in the countries adjoining to the Caspian sea, in particular in Azerbaijan had been incorporated. Thus, by virtue of developed historical circumstances Azerbaijan-Russian trade and economic ties were beyond the Safavid-Russian relations getting more intensive independent character, to what testifies further opening of first Russian consulate in Shamakhy under Peter the First.

Thus, during the investigated period Azerbaijan for her social-economic, and geostrategic position occupied a leading place among other areas in the system of Safavid empire, in this connection dependence on the central authority at the end of the XVII century, as a rule had a nominal character.

This decentralization with amplification of centrifugal forces of feudal lords resulted with national disturbances and started a long process of formation of independent states-khanates in the territory of Azerbaijan in the middle of the XVIII century.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Место Азербайджана в системе Сефевидской империи в XVII веке.....	16
ГЛАВА II. Азербайджан в политических взаимоотношениях Сефевидской империи с Русским государством.....	38
ГЛАВА III. Азербайджан в торговых взаимоотношениях Сефевидской империи с Русским государством.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
ПРИМЕЧАНИЯ	119
БИБЛИОГРАФИЯ	122
XULASƏ	139
SUMMARY	146

Seyidova Glen Miri qızı

Azrbaycan XVII srd Sfvi imperiyasının
rus dvlti il ticart v siyasi mnasibtlrind
(rus mnblri sasında)

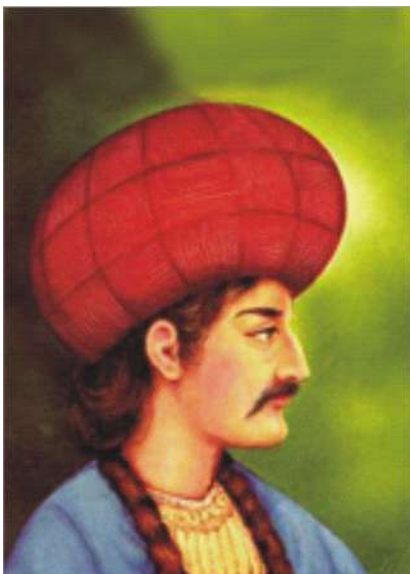

Kompüter yığımı: Rəhilə Kazımova.
Kompüter dizaynı: Elmar Məhərrəmov.

Yığılmağa verilmişdir: - 11 avqust 2007-ci il.
Çapa imzalanmışdır: - 10 oktyabr 2007-ci il.
Sifariş: №701
Formatı: 60/84 – 1/16. Həcmi: 10 ç.v. Tirajı: 500.

Kitab «Nurlan» nəşriyyat-poliqrafiya müəssisəsində
hazır diapozitivlərdən çap edilmişdir.
Müəssisənin direktoru **N.B.Məmmədli**.
Tel. 97-16-32; 27-44-61; 8-50-311-41-89.
Ünvan: Bakı, İçərişəhər, 3-cü Maqomayev küç., 8-ci döngə, ev 4.

Шah Исмаил I Хатаи
(1501-1524 гг.)

Шah Тахмасиб I
(1524-1576 гг.)

Шah Аббас I
(1587-1629 гг.)

Шах Аббас II
(1642-1667 гг.)

Шах Сулейман
(1667-1694 гг.)

Тугра
(символ)
Сефевидов

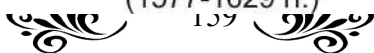
Прием
иностранных
послов
шахом
Тахмасибом I

Прием
иностранных
послов
шахом
Аббасом I

Шah Аббас I
(1577-1629 гг.)

Азербайджанское государство Сефевидов

Условные знаки

- ТЕБРИЗ - столицы
- Баку - важнейшие города
- Границы Сефевидского государства и беглярбекства
- - - Торговые пути
- - - Приблизительная граница по Стамбульскому договору 1590 г.

Автор: к.и.н. Гюльиан Сеидова
Составитель: к.и.н. Эльмар Магеррамов

Баку, 2007.

Свѣдѣніи
и др. рѣшѣн.

Въ 1723 году...
Свѣдѣніи о...
1723 г. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

АЗЕРБАЙДЖАН ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Свѣдѣніи
и др. рѣшѣн.

Въ 1723 году...
Свѣдѣніи о...
1723 г. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Гюльшан Сеидова

АЗЕРБАЙДЖАН ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Гюльшан Сеидова

